

stive.
artini

Стив Мартини

Лучший телохранитель —
ложь

Для наркокартеля Тихуаны этот человек был всего лишь городской легендой. Впрочем, полицейские тоже предпочитали петь под этот мотив. По данным федеральной полиции Мексики, человека, которого в многочисленных обзорах прессы было принято называть Мексиканский Палач, не существовало. Если верить им всем, то убийца был просто плодом воображения людей в униформе...

CNPOL.RU
Crime
thriller
horror

перевод
с английского

Crime. Thriller. Horror

Стив Мартини

Лучший телохранитель – ложь

«Центрполиграф»

2009

Мартини С.

Лучший телохранитель – ложь / С. Мартини —
«Центрполиграф», 2009 — (Crime. Thriller. Horror)

Адвокат Пол Мадриани сталкивается с паутиной международного заговора, обмана и убийств, когда берется защищать обворожительную костариканку Катю Солаз, обвиняемую в убийстве своего, как она считала, воздыхателя, престарелого Эмерсона Пайка, для которого девушка была всего лишь сыром в мышеловке, – ему нужны были ее семейные связи... Карибский кризис, холодная война, наркокартели, новые американские технологии прослушки, ЦРУ и террористические операции Ближнего Востока – эти множественные нити уводят Мадриани в зловещую реальность.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	38
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	57
Глава 14	62
Глава 15	68
Глава 16	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Стив Мартини

Лучший телохранитель – ложь

Роман

Во время войны правда так драгоценна, что ее всегда должен сопровождать телохранитель – ложь.
Уинстон Черчилль

Глава 1

Для наркокартеля Тихуаны этот человек был всего лишь городской легендой. Впрочем, полицейские тоже предпочитали петь под этот мотив. По данным федеральной полиции Мексики, человека, которого в многочисленных обзорах прессы было принято называть Мексиканский Палач, не существовало.

Если верить им всем, то убийца был просто плодом воображения людей в униформе, и только волны подросткового насилия, захлестнувшие зону наркоторговли близ границы, а не его знаменитые контракты с пятизначными цифрами, угрожали поднять в городе минимальные расценки на убийство.

Эти детки в самом деле были неграмотны, агрессивны и смертельно опасны. Они приезжали из бесплодных районов в Низине, из голодных поселков Синалоа, за вершинами Чиуауа. И всем им было нужно одно и то же: добиться лучшей доли или, если не получится, хотя бы просто выжить. Они ютились в полуразвалившихся морских контейнерах, и районы крытых толем трущоб, густо облепившие склоны холмов вокруг города, позволяли сводить концы с концами тем, кто стал для наркоторговцев поставщиком смертоносных услуг.

Достаточно было попасть в перекрестье такой сделки, чтобы некий юнец, имея в кармане только что полученные несколько тысяч песо и номер вашего водительского удостоверения, нашел вас повсюду. Молодняк передвигался по городу на мотоциклах, со спрятанными в штаны за спиной машинками Мак-10 с глушителем. Одной рукой они умудрялись управляться с рукояткой байка, в то время как другой им было достаточно для того, чтобы вышибить ваши мозги наружу из новенького уютного «лексуса».

Для этих новоявленных ковбоев Мексиканский Палач был не просто настоящим: они знали его под разными именами, но всем был знаком его бесшумный способ расправы со своими жертвами, всегда в ночное время. Он был подобен горному водопаду, извергающемуся из темноты и вымывающему свои жертвы со спокойного пляжа на берегу, чем-то вроде неожиданно нахлынувшей огромной волны, *muerte liquida*, или «жидкой смертью».

И этот факт ему тоже нравился. Это имя настолько импонировало его черному чувству юмора, что было время, когда он даже регистрировался под ним в отелях: «М. Ликида», впрочем не пренебрегая при этом присущей ему осторожностью. Находясь за границей, он следовал вариациям на ту же тему: например, в США пользовался кредитной картой на имя Дж. Уотерса.

Дом располагался на тенистой аллее, неподалеку от других больших и дорогих зданий. Многим из них больше подходило бы название «поместье». Тот из домов, о котором идет речь, был гадким утенком в своем семействе: он износился и явно нуждался в ремонте. А может, просто казался таким. Он стоял поодаль от дороги; до его изящных железных ворот оттуда было примерно двести футов. Дом нависал над Тихоокеанским шоссе и городком Дель-Мар

в Калифорнии. Отсюда открывался вид на раскинувшийся вдали океан, а днем можно было увидеть и пляж, расположенный примерно в миле отсюда.

Семифутовый забор, состоявший из сотен планок из анодированного металла, каждая из которых сверху заканчивалась остроконечной фигурной верхушкой, опоясывал частное владение. Казалось, он здесь совсем не к месту. Что за безумие возводить такую дорогую ограду вокруг раскинувшегося за ней ветхого строения.

Единственным просветом в заборе были главные ворота на улицу. Управление ими осуществлялось дистанционно. Ликида видел, как через них приезжает и уезжает машина владельца особняка. И каждый раз створки ворот автоматически открывались перед автомобилем и смыкались за ним. Ни охраны, ни собак внутри не было, посетители сюда почти не навещались. Фактически за все часы наблюдения ему удалось увидеть только несколько машин доставки почты.

К самому забору электричество подведено не было. Там не было ничего похожего на небольшие желтые значки, указывавшие на наличие черных электрических проводов и табличек, предупреждавших посетителей не касаться забора. Только в Америке было принято сначала тратить многие тысячи долларов на установку дорогостоящей электрической системы безопасности, а потом предупреждать потенциальных желающих проникнуть через нее, чтобы не причинили себе вреда.

Ликида стремительным бесплотным призраком, не оставляющим даже тени, метнулся вдоль забора особняка и снова исчез в темноте.

Разбитая деревянная балюстрада выступала сзади из здания так, будто стремилась погрузиться как можно дальше в глубину сада. Косо повисли ставни на одном из высоких боковых окон. Похоже, они болтались на единственной петле. На крыше не хватало нескольких кровельных листов, а снаружи дом явно нуждался в покраске.

Мужчина улыбнулся, оценив человеческую изобретательность. Любой индивидуум, шатающийся по окрестностям с целью что-нибудь украсть, ни за что не остановится на этом жилище. Но люди, которые наняли Ликиду, снабдили его фотографиями дома как снаружи, так и изнутри, снимками прилегающей территории, а также планами расположения помещений. Киллер не знал, как они сумели все это раздобыть. Да это его и не беспокоило, поскольку информация была точной.

Бесшумной тенью он скользнул через линию кустов перед забором; при этом все его внимание было сосредоточено на том, чтобы нигде не коснуться металлического ограждения.

В прошлый раз он уже проверял забор на наличие контактных датчиков. Искал небольшой серый ящичек из пластика, от которого отходили бы провода. По проводам сигнал тревоги мог быть передан в дом и на внешнюю охранную систему. Теперь он снова, в третий раз проверял забор и землю под ним. До этого момента он был уверен, что нет никаких проводов и никакого передатчика, с которым они были бы связаны.

Система охраны территории полностью полагалась на разбросанные по двору, ближе к дому, датчики движения. Убийца успел обнаружить два таких датчика еще десять дней назад, в первый свой визит сюда. Посреди ночи он швырнул через забор несколько больших комьев земли. После каждого броска ждал, что произойдет. Наконец после нескольких попыток в доме загорелся свет. А еще через десять минут показался небольшой седан с эмблемой охранной фирмы на двери. Прибывшие осмотрели двор, но ничего не нашли. Датчики движения были настроены на пониженную чувствительность. Вряд ли они забили бы тревогу, если бы во дворе рядом с ними вздумалось приземлиться небольшой птице. А вот на хлопанье ее крыльев и колебание земли вокруг они, возможно, и отреагировали бы.

Больше недели после этого он занимался тем, что снимал датчики движения. Для этого ему пришлось прибегнуть к помощи более чем дюжины бездомных кошек, собранных в течение дня на улицах и аллеях в центре города. Ночью он перевез их сюда в картонных коробках в

багажнике своей машины. Он приманивал кошек кошачьим кормом, небольшие комки которого швырял как можно дальше по направлению к дому. Затем через забор пускалась кошка.

Всякий раз в доме вспыхивали огни, а через несколько минут приезжала небольшая машина с охраной. Когда охранники видели кошку, они со смехом разворачивались и направлялись через сад к своей машине.

Еще через одну-две минуты в доме гасили свет.

Он проделывал это пять ночей подряд в предрассветные часы, пока наконец однажды ночью в доме не перестали зажигать свет. И охрана больше не показывалась. Датчики движения отключили совсем или, по крайней мере, до тех пор, пока они не будут перенастроены на больший вес. В человеческой натуре есть одна забавная черта, которая постоянно срабатывала в ущерб своим несчастным хозяевам.

Три дня назад, действуя в перчатках из-за забора, Ликида перекрыл большим листом магнолии пространство перед объективом единственной камеры, что контролировала участок перед домом. Он заботливо уложил лист на наклонный крюк, к которому крепилась камера, постаравшись создать впечатление, что тот оказался тут по воле притяжения земли или ветра.

Через три дня тот факт, что никто не удосужился убрать лист, подсказал ему то, что требовалось знать. Никто регулярно не следил за состоянием камер. Возможно, система постоянно получала сигнал, аналоговый или цифровой, не важно. И ее проверка предусматривалась только в случае инцидента. И теперь операторам придется наблюдать лишь сорванный лист.

Глава 2

Верхний кабинет был просторной комнатой высотой в два этажа со сводчатым потолком и тяжелыми балками. К узкому подиуму на втором этаже вела кованая винтовая лестница, выполненная в старинном стиле. Стены на обоих этажах были отделаны темными деревянными панелями и причудливыми деревянными шкафами с немногими выдвижными ящиками. Все ящики были закрыты. Каждый из них был снабжен карточкой в латунном держателе, на которой было написано, что именно хранится внутри. Таких ящиков насчитывалось несколько сотен. Именно с этого помещения Эмерсон Пайк начинал свой бизнес, вершину дела Пайков, вкладывая деньги в редкие монеты и драгоценные металлы. В последние несколько лет удача наконец стала ему улыбаться, особенно после падения рынка акций, когда богатые люди стали искать реальные возможности для надежного помещения капиталов.

В этот вечер он сидел за столом с гримасой раздражения на лице.

– Катя, пожалуйста. Перестань заворачиваться в портьеры. Сядь и отдохни или займись чем-нибудь другим.

– Чем другим? – Она бросила на него недовольный взгляд, но не стала выбираться из алькова в окне примерно в двадцати футах от него.

Кате все надоело. В последнее время единственное, о чем ей хотелось говорить, – это о том, как она вернется домой в Коста-Рику. Это было единственное, к чему она стремилась. Он надеялся, что во время сегодняшнего ужина, после той радости, которую она испытала, готовя классические коста-риканские блюда для нескольких друзей, ее сознание хоть на несколько часов отвлечется от этого. Но к сожалению, он ошибся.

Гости ушли, и сейчас Катя играла кашемировыми шторами ценой пять тысяч долларов, тянула их и оборачивала вокруг тела, как будто пыталась натянуть поверх одежды еще одно роскошное вечернее платье. На полных губках уроженки Латинской Америки застыла недовольная гримаска.

Для любого, кто обращал на это внимание, Катя Солаз была последним предметом обожания Эмерсона Пайка. Это была яркая девушка ростом около ста семидесяти сантиметров, с фигурой, способной заставить любого мужчину забыть о времени, ослепительно-черными волосами и играющей на чувственных губах улыбкой, которая заставляла мужские колени подгибаться. А еще ей было всего двадцать шесть лет, и она годилась ему во внучки.

Эта разница невольно привлекала к себе внимание в ресторанах каждый раз, когда им приходила мысль поужинать где-нибудь вне дома. Эмерсону нравилось демонстративно нарушать общепринятые правила, поэтому совместные ужины с Катей в ресторане стали для него самым большим наслаждением.

Ему нравилось сидеть в ресторане с ней рядом и дерзко улыбаться, затягивая в себя, как в черную галактическую дыру, все тайно бросаемые в их сторону осуждающие взгляды. Иногда ему удавалось вызвать панику, когда в качестве первого удара он завязывал беседу с кем-то из женатых мужчин, а затем вызывал атомный выстрел адреналина в сердце супруги, представив ее мужа Кате.

Но, как говорится, никакая хорошая погода не может уберечь от черных туч. В случае с Катей это было настроение. За ее живым и подвижным, как ртуть, темпераментом невозможно было уследить.

За последние пять недель Эмерсону приходилось так часто быть свидетелем этого, что он решил, будто успел прекрасно изучить все побудительные причины ее поведения. На самом деле он не имел об этом ни малейшего понятия. Эмерсон полагал, что в том совершенном мире, о котором мечтала Катя, женщина постоянно могла запустить обе руки в карманы мужчины.

Она донимала бы его марш-бросками по магазинам, как кредитную карточку постоянно суют в щель ближайшего автомата.

На самом деле Катю его деньги не занимали вообще или интересовали очень мало, так как для того, чтобы жить, у нее было достаточно своих средств. Катя никогда не знала своего отца. Рядом с ней никогда в жизни не было мужчины старше ее по возрасту. Поэтому ей нравилось быть с Эмерсоном и ухаживать за ним. Но она приехала в Калифорнию не для этого, ее целью было получить образование. Катю интересовали колледжи и университеты штата. И пусть она не посещала подготовительные курсы, но все равно мечтала однажды стать обладательницей американского университетского диплома. И если бы Эмерсон вознамерился оказать ей в этом финансовую поддержку, девушка ничуть не была бы против.

У Эмерсона были свои причины привезти ее сюда, в свой дом. Никто из них и не помышлял о сексе или других утехах молодости. Катя была лишь куском сыра в мышеловке. Вот так просто обстояли дела.

Возможно, слово «просто» было здесь не вполне подходящим. Ведь в последнее время она стала задавать слишком много вопросов, большинство из которых сводились к одному-единственному: когда они снова вернутся в Коста-Рику?

Он пытался отвлечь девушку от этих мыслей, предлагая ей все новые и новые развлечения. Как он полагал, пока девушка веселится и улыбается, ей и в голову не придет просить об отъезде.

Для Эмерсона это стало испытанием его умения. Если бы ему пришлось уступить перед ее натиском, это было бы явным признаком того, что он начинает сдавать, предупреждением, что он потерял свое мастерство обдeldывать темные делишки, самым темным из которых всегда был обман.

– Что ты делаешь?

В это время она продолжала, извиваясь, закутываться в штору и настолько наклонилась вперед, что, казалось, ее вес, каким бы маленьким он ни был, вырвет карниз и обрушит ей на голову.

Эмерсон был почти уверен, что девушка оторвет штору.

– Они очень дорого стоят, – сказал он.

– Что?

– Шторы.

– Значит, я не стою их?

Он посмотрел на нее если не сердито, то с отеческим укором.

Катя ответила одной из своих озорных улыбок, когда у нее на щеках появлялись ямочки. Этим вечером она в полной мере использовала свое оружие.

Эмерсон был уверен, что внутри она смеется над ним. Два дня назад она вела себя точно так же, и точно так же мерцали ее глаза, когда во время просмотра фильма она снимала лак с ногтей на руках вместе с покрытием антикварного лакированного стола черного дерева ценой восемь тысяч долларов. Если Катя хотела, она могла располагать к себе, когда же ей что-то не нравилось, она обладала разрушительной силой стофутového пушечного ядра.

– Не помню, звонила ли ты домой сегодня? – спросил он.

– Да, я звонила домой сегодня, – передразнила она его певучим тоном. – Ты уже спрашивал меня об этом сегодня, и я ответила «да».

– Ничего. – Эмерсон был поглощен фотографиями, которые разбросал перед собой на столе.

– Почему тебя волнует, звоню ли я домой каждый день? Это не важно. Они не ждут моих звонков.

– Я думал, что твоя мать волнуется.

На ее лице появилось нечто среднее между раздражением и подозрением.

– Я не должна ни в чем отчитываться перед матерью. В конце концов, какое тебе дело до моей матери? Ты все время спрашиваешь меня, где она, когда собирается вернуться в Коста-Рику. Наверное, тебе следовало бы жить с ней.

– А что, это идея, – подзадорил девушку Эмерсон, – она такая же красotka, как и ты?

Катя предпочла пропустить вопрос мимо ушей.

– Я просто не хочу, чтобы она за тебя беспокоилась.

– Никто и не собирается обо мне беспокоиться. И еще, я ведь сказала тебе, что моей матери нет дома.

– Было дело. Так, значит, она все еще в Колумбии? – На самом деле именно это Эмерсон и хотел узнать.

– Я не знаю. Наверное.

– Но ты говорила, что она там.

– Ну и что?

– Как что? Тебе все равно, где находится твоя мать? Это не очень красиво. – Эмерсон, стараясь, чтобы это не выглядело чем-то необычным, продолжал выпытывать подробности, одновременно разглядывая одну из фотографий через увеличительное стекло.

Катю стали выводить из себя настойчивые расспросы Эмерсона о матери и его погруженность в фотографии.

На первых порах поездка в Соединенные Штаты приводила ее в восторг. Получение американской визы обычно длится месяцами, причем вовсе не обязательно ее вам дадут, но только не для Эмерсона. В понедельник он пригласил девушку посетить свой дом в Сан-Диего. Во вторник заполнил все нужные бумаги и попросил ее подписать их. К четвергу он успел съездить в американское посольство в Сан-Хосе и вернуться уже с готовой визой. Для Кати любой, способный на это, казался волшебником из детской сказки, добывающим золото из соломы. Если этот человек обладал такими связями, то, наверное, он мог бы помочь ей с поступлением в колледж или университет, рассуждала она.

Единственное беспокоило девушку: ее имя в визе было указано не полностью. Пайк при заполнении анкеты на американский манер указал только первое и последнее имя, проигнорировав фамилию матери, указанную в ее паспорте. Катя беспокоилась, что, поскольку виза была заполнена не совсем так, как было написано в паспорте, это могло помешать поездке. Но ничего подобного не случилось.

Если бы девушка попыталась снова вспомнить предшествовавшие поездке события, возможно, ей в голову пришли бы и другие, гораздо более подозрительные вещи. Приезжать сюда с ним было ошибкой.

Она видела, как он сидит за столом, похожий на скупца, занятого подсчетом денег. На столешнице были разбросаны монеты, некоторые в прозрачных пластиковых конвертиках, другие без них. Золото сияло в свете лампы. На утро у Эмерсона была запланирована встреча с клиентом. Ему нужно было подготовить для этого человека подборку монет. Но вместо этого он продолжал вглядываться в снимки, на этот раз через лупу.

Снимки были не его. Это были фото Кати, точнее, ее матери, которая позаимствовала фотоаппарат дочери на время одной из недавних поездок в Колумбию. На фотографиях были изображены родственники или друзья матери, Катя не могла сказать точно. Девушка никогда не видела этих людей. Очень давно, еще в детстве, она поняла, что у матери есть свои секреты, некий скелет, который та прячет в колумбийском шкафу, какие-то люди, о которых мать никогда не говорила, но которых иногда навещала. Когда Катя познакомилась с Эмерсоном, мать как раз в очередной раз была в Колумбии. Фото сохранились на цифровом чипе камеры. Эмерсон расспрашивал Катю о семье, просил показать на снимках мать, задавал другие вопросы, вполне невинные с ее точки зрения. Она не видела ничего плохого в том, чтобы показать ему эти снимки.

Она никогда не задумывалась о том, что те секреты могли быть чем-то серьезным, пока Эмерсон не распечатал снимки и не погрузился в их изучение. При этом он постоянно задавал ей вопросы, заставляя все глубже погружаться в подробности. Он знал что-то такое, чего не знала она.

– Ты выглядишь усталым. Тебе надо лечь, – сказала она.

Он продолжал вглядываться в фотографии на столе, зевая все чаще.

– Мне нужно закончить работу.

– Это можно сделать и утром. – Она наклонилась почти горизонтально, завернутая в штору, и чуть подпрыгнула, испытывая упругость кашемира и прочность карниза. Этот маленький трюк в духе цирка Дю Солей был проделан с целью подразнить Эмерсона и заставить его отвлечься от работы.

Не помогло. Он не реагировал на девушку, сосредоточив все внимание на изучении фотоснимков через увеличительное стекло.

Катя кипела от раздражения. Она начинала кое-что понимать. Они жили вместе уже почти три месяца, сначала в Коста-Рике, потом здесь. Каждую ночь они спали в одной постели, но он ни разу даже не прикоснулся к ней. К концу первой недели пребывания в Америке она стала подозревать, что единственной причиной того, что по ночам она находилась с ним в одной комнате, было то, что так ему было удобнее за ней следить. Сон пожилого человека чуток. Стоило ей пошевелиться или пойти в ванную, как он тут же просыпался. Она это чувствовала.

Были и другие мелочи, на которые девушка теперь обращала внимание. Если, когда они гуляли вместе, он видел проезжавших мимо или проходивших пешком полицейских, явно старался, чтобы они с Катей оказались от стражей порядка подальше. Она не была уверена, но ей казалось, что в таких случаях он уводит ее в другом направлении. Однажды она даже испытала его. Как-то днем они гуляли по аллее, и Катя увидела двух пешеходных патрульных. Она решила, что пойдет в их сторону, якобы направляясь в магазин, который располагался на той же аллее. Но не успела Катя сделать и трех шагов, как Эмерсон с такой силой схватил ее за руку, что позже на коже девушки проступили синяки.

Наконец, десять дней назад, случилось нечто, заставившее ее принять решение: пора бежать, и как можно скорее. Время от времени Эмерсон давал ей деньги, которые предназначались для ее матери. Когда девушка отправлялась в Америку, ей пришлось оставить временную работу. Это было что-то вроде молчаливой договоренности между ними, перед тем как они уехали из Коста-Рики. Они отправляли деньги с помощью службы «Вестерн Юнион» на имя приятеля Кати в Сан-Хосе, который должен был размещать их на ее банковском счете. Для отправки денег пользовались одной из кредитных карточек Эмерсона.

Но, отправляя деньги на юг, на родину Кати, Эмерсон никогда не давал ей денег на карманные расходы здесь, в Америке. Максимум, что лежало в ее кошельке, было двадцать долларов на непредвиденный случай или на покупку мелочей. Эмерсон знал, что здесь у нее не было банковского вклада и не было кредитной карты, то есть он был в курсе, что у девушки совсем нет денег. Возможно, он полагал, что ей не нужны собственные средства: ведь они все время проводили вместе.

Эмерсон купил ей ювелирные украшения, а Катя продала их, не поставив его в известность. Она очень старалась, чтобы он не узнал об этом. Ей удалось заложить драгоценности в центре города, пока у Эмерсона была встреча с клиентом. Обычно в таких случаях он оставлял ее сидеть в машине или отправлял на часок побродить по ближайшим магазинам. Но в тот раз она использовала свободное время, чтобы заложить драгоценности. Через пару дней Пайк обнаружил в ее кошельке квитанции от ювелира.

Сначала она боялась, что он рассвирепеет. Но ничего подобного не произошло. Казалось, он вообще не обратил на это внимания. Все произошло так, будто он ожидал от нее чего-то в этом духе.

Ее вывело из себя то, что он сделал после этого. Он забрал себе деньги, полученные за драгоценности. А затем он позволил ей отправить такую же сумму с помощью «Вестерн Юнион» домой, семье. Она, конечно, была благодарна ему за это, но в то же время все это привело ее в состояние крайнего недоумения. Почему он не разозлился? Конечно же ему не нужны были ее деньги. Он всегда щедро тратил их на нее во время совместных походов по магазинам. Иногда в течение дня он тратил на нее тысячи долларов. За ювелирные же украшения она получила чуть больше шестисот долларов. Зачем же он отобрал у нее эти деньги?

Чем больше она думала об этом, тем беспокойнее становилось у нее на душе. Единственным объяснением, которое приходило ей в голову, было то, что Эмерсон мог решить, будто Катя намеревалась воспользоваться теми деньгами для побега, купить на них билет домой, в Коста-Рику. Все это заронило в душе девушки первые семена того терзающего чувства, которое постепенно росло и росло, пока, наконец, полностью не вызрело в ее сознании. Она не осмеливалась говорить с ним об этом прямо, опасаясь его реакции. Сейчас она была далеко от дома. Он мог забирать ее с собой в город, когда ему заблагорассудится. Он позволял ей звонить домой, даже настаивал, чтобы она делала это. Если же она попытается сопротивляться, всему этому может прийти конец. Ее все возрастающие подозрения превратились в уверенность. Даже если она и была раньше гостьей Эмерсона, то теперь это не так. Как ни взгляни, но сейчас она стала его пленницей. Катя много раз слышала рассказы о молодых женщинах, которые отправлялись с состоятельными мужчинами в Азию или на Ближний Восток. Иногда случалось так, что родные больше ничего о них не слышали. Она знала, что бывало и такое.

После того как Эмерсон отобрал у нее деньги, Катя спрятала свой паспорт и визу в небольшую дорожную сумочку, сложив туда же белье и некоторые личные вещи. Она спрятала сумку под кроватью в одной из гостевых комнат, расположенных прямо под залом перед спальней хозяина. Теперь, если ему придет в голову обыскивать ее багаж, он не найдет ее документы. А без них, она знала, ей никогда не вернуться домой.

– В этот вечер ты ведешь себя до ужаса тихо. Что происходит за этими прекрасными глазами?

Его вопрос заставил девушку вздрогнуть. Он что, умеет читать мысли?

– Ничего. Я просто развлекаюсь, – ответила она.

– Я знаю, ты устала. Иногда я веду себя не как гостеприимный хозяин. Завтрашний день я хочу посвятить тебе. – Он снова зевнул. – Извини. Не понимаю, что со мной сегодня происходит. Завтра мы поедем куда-нибудь развлечься. После моей встречи утром.

– Как хочешь.

Катя поражалась той выносливости, которую сохранил этот мужчина в свои годы. Хотя он ведь выпил две чашки черного кофе. Но она надеялась, что теперь-то он отправится спать. Она потянулась и поправила лиф черного вечернего платья.

Пока Катя делала это, вялые пальцы Эмерсона плавным движением подтолкнули один из снимков на столешнице под лежащий там же журнал. Но девушка этого не заметила.

– Почему бы тебе не посмотреть какой-нибудь из своих фильмов? – спросил он.

– Мне надоело кино.

– Тогда примерь что-нибудь из новой одежды. Покажи мне, как она сидит на тебе.

– Ты говоришь так, как будто хочешь от меня избавиться. Наверное, ты устал, устал от меня.

Он посмотрел на нее сквозь слипающиеся веки:

– Как ты можешь так говорить? Иди сюда и составь мне компанию.

Он откатился на стуле от стола и хлопнул себя по коленке.

Эмерсону всегда удавалось вовремя включать в себе это очарование. Сейчас казалось, что он все меньше пользовался этим своим даром, как будто, не нуждаясь больше в этом, стремился сохранить энергию для чего-то более важного. По мере того как Катя стала узнавать его лучше, ей все чаще казалось, что почти всегда Эмерсон вел внутри себя какие-то расчеты.

Он сумел сохранить плотную шевелюру седых выющихся волос. Глядя на него, никто не дал бы ему семидесяти двух лет. Когда он первый раз назвал ей свой возраст, она не могла ему поверить до тех пор, пока он не показал ей свое водительское удостоверение. Его тело было стройным, и для мужчины его возраста он имел мощную фигуру при росте почти шесть футов. Каждое утро он в течение часа делал зарядку на тренажере и занимался с гирями на нижнем этаже. У него были светло-синие глаза, на впалых щеках постоянно играл румянец. С лица, похожего на маску театра кабуки, не сходила кривая недоверчивая гримаса.

Кате казалось, особенно после приезда в Штаты, что им все чаще кто-то тайно управляет, будто бы множество маленьких демонов носятся внутри его, дергая за веревочки и вращая колесики.

Если он действительно ждал, что девушка бросится бежать через комнату, чтобы вспорхнуть ему на колени, он горько ошибался.

Она медленной походкой направилась к столу. Короткое вечернее платье плотно облегло изгибы молодого тела. Ее пятидюймовые каблучки медленно постукивали, как кастаньеты, ударяя по дереву пола. Она упала на один из покрытых чехлом стульев с высокой спинкой прямо перед ним и, вытянув длинные ноги, в упор посмотрела на него черными глазами.

Эмерсон снова подвинул свой стул к столу. Как он полагал, единственное, что могло бы заставить ее выйти из этого состояния, была очередная толстая пачка денег, снятая с одной из его кредиток. Это начинало сводить его с ума.

– Почему ты снова рассматриваешь эти снимки? – спросила она.

– Просто интересно.

– Интересно что?

– Мне интересна твоя семья.

– Почему?

– Потому что я люблю тебя и хочу все знать о тебе. – Он сам почти верил в то, что говорил.

– Да ну? Ты все время смотришь на эти фотографии и хочешь знать, кто эти люди. Ты расспрашиваешь меня о матери и ее семье. О том, как она приехала с Кубы и чем занимается в Колумбии. Ты задаешь слишком много вопросов для того, кому все это просто интересно.

– Если это тебя утомляет, я больше не буду.

– Я не знаю. Иногда я начинаю думать, что, может быть, мы встретились совсем не случайно.

– О чем ты говоришь?

Катя на миг задумалась и решила, что поступила неразумно, сделав последнее замечание.

– Просто я не понимаю. Что ты ищешь на этих фотографиях?

– Ничего, – ответил мужчина.

– Ты ничего не ищешь? Тогда напрасно теряешь уйму времени. Если ты скажешь мне, что тебе нужно, возможно, я сумею помочь. – Она снова пристально посмотрела на него блестящими темно-кариыми глазами.

– Ты ведь говорила, что не знаешь никого на этих фото? – спросил он.

– Это правда.

– Не важно. Нам нет причин спорить из-за этого.

Он поверил, когда Катя сказала, что не знает никого из людей на снимках и где были сделаны фото. Катя говорила, что никогда не была в Колумбии. Это было странно, так как, по словам ее матери, у нее там были родственники, которых она навещала не реже чем раз в год. Но, если верить Кате, она никогда не брала туда с собой ни ее, ни кого-либо из своих родных

из Коста-Рики. Почему? Эмерсону казалось, что он знает причину. И эта причина была на фотографиях.

– Скажи мне правду, ты ищешь что-то или кого-то на этих снимках. Скажи мне, что именно? Может быть, если ты скажешь, я что-нибудь пойму. И смогу тебе помочь?

Катя была решительно настроена узнать, о чем идет речь. Она все больше чувствовала исходящую от Эмерсона угрозу себе, а может быть, и своей семье.

– Я уже сказал. Мне просто любопытно.

– Да. Потому что ты любишь меня. Ты хочешь знать все о моей семье, я помню, ты уже говорил.

Он пожал плечами:

– Все нормально. Не беспокойся об этом. Слушай, почему бы нам не пойти в видеозал и не посмотреть какой-нибудь фильм?

– Я не хочу смотреть фильм. – Она сидела на месте и чувствовала, как снова начинает медленно выходить из себя. – Я хочу знать, почему ты всегда рассматриваешь эти снимки. И не занимаешься чем-нибудь другим.

– Я уже говорил тебе. Послушай меня. Почему бы мне не отложить фотографии, если это расстраивает тебя? Я не буду больше на них смотреть. Они не имеют никакого отношения к тому, чем я занимаюсь. Мне жаль, что я вообще стал на них смотреть. Если это тебе неприятно, я больше не буду этого делать.

В чем же был секрет?

– Ты прав. Это не связано с твоим бизнесом, – сказала она. В ней проснулся южный темперамент.

Эмерсон почувствовал, как по комнате начал распространяться жар.

– Ты подсматриваешь за мной, лезешь в мою камеру.

Это был больной вопрос для Кати. Ведь Пайк забрал ее фотоаппарат и распечатал снимки без ее разрешения. А затем по ошибке положил камеру в такое место, где она не должна была ее обнаружить, прежде чем они уехали в Америку.

– Я никогда не говорила тебе, что ты можешь рыться в моих вещах и портить мою камеру.

– Я ведь купил тебе новую, когда мы приехали сюда, разве не так?

– Да, но тебе нечего копаться в моих вещах, не спросив меня об этом.

– Я хотел сделать тебе сюрприз, – оправдывался Эмерсон. Он придерживался этой версии с тех пор, как она застала его за разглядыванием снимков в компьютере. Он планировал приятно удивить ее, преподнеся в качестве подарка глянцевые фото членов ее семьи.

Но Катя не поддавалась на такой примитивный обман. Действительно, ее мать делала фото, и на снимках могли быть какие-то из ее родственников, но она не знала ни одного из них. Она никогда не бывала в Колумбии, и она уже говорила об этом Эмерсону. Эти люди ничего для нее не значили, и Эмерсон знал это.

– И ты напечатал их, даже не спросив меня.

Чем больше она думала об этом, тем больше злилась. Он совал свой нос в дела ее семьи. Конечно, он отправлял им деньги, но все же он был чужим для них.

– Не злись, Катя.

– А ты не приказывай, как мне себя вести. Это не твои фотографии. Они принадлежат моей матери. Ты не имеешь права их трогать.

– Хорошо, хорошо. Они твои. Забери их. – Эмерсон откинулся в кресле и поднял руки, будто признавая, что сдается.

Катя мгновенно сгребла фотографии и отвернулась, собирая их в стопку.

Пайк не обращал на это внимания. Если, получив назад глянцевые кусочки отпечатанных снимков, она снова успокоится, что ж, прекрасно. Поскольку она не требовала удалить загруженные в его ноутбук файлы с фотографиями, какая ему разница? К тому же у него уже

было заготовлено несколько цифровых копий. Переносной компьютер Пайка имел конфигурацию, подходящую для функционирования по всему миру. Достаточно было подключиться к сети Интернет. Еще перед тем, как начать путешествие на север, Пайк отправил цифровые изображения с Катиной камеры в лабораторию в штате Виргиния, где качество снимков улучшили, сделав их пригодными для тщательного изучения. Если все пойдет хорошо, со дня на день можно будет ожидать результатов.

Единственным снимком, который Катя не получила назад, был тот, который он потихоньку спрятал под журналом на столе. Этот снимок он увеличил и обрезал с него лишнее, чтобы лучше рассмотреть главное. Он догадывался, что на нем было изображено, хотя и не был уверен в этом до конца. Пользуясь программами, установленными на его компьютере, Пайк пытался улучшить качество изображения. Ему удалось получить лишь некоторые детали: линии и часть круга. Но из-за ракурса, который был выбран при фотографировании, сделать со снимком что-то еще оказалось невозможно. Ни одну из надписей или подробностей схем на фото нельзя было не только прочитать, но и просто рассмотреть. Но интуиция подсказывала Эмерсону, что именно там изображено и кто был старик, запечатленный на фото. Именно поэтому он снова и снова возвращался к тем фотографиям.

Катя стояла спиной к нему по другую сторону стола. По напряженной позе, в которой она застыла, он догадался, что девушка все еще находится во власти волны гнева.

Если ему не удастся погасить ее, Катя не станет спать с ним в эту ночь. А это, если мыслить логически, поставит его перед проблемой, как уследить за ней, не запирая, чтобы она не попыталась удрать. Если ответ из лаборатории подтвердит, что его догадки верны, девушка станет проблемой для кого-то другого. Но до этого он был намерен постоянно опекать ее. Она была частью генетической цепочки, и ее кровь была явно плотнее, чем вода.

Пайк подождал несколько секунд, затем поднялся со стула и медленно обошел стол, оказавшись за спиной девушки. Он положил руку ей на плечо, но Катя резким толчком сбросила ее.

– Катя, пожалуйста. Не сердись на меня. Я не знал, что расстраиваю тебя. Пожалуйста, прости.

– Я прощаю тебя, – сказала девушка, – когда мы поедем домой?

– Всего через несколько дней.

«Почему? – подумала она. – Чего он ждет?» Какое-то время она вглядывалась в его лицо. Но было невозможно понять, что творилось там, на дне его глаз.

Он мог пообещать ей что угодно, лишь бы удержать здесь, лишь бы успокоить. Он лгал, и она знала об этом.

Слезинка медленно скатилась по ее щеке, подобно тому, как ртуть скатывается вниз по куску шелка.

Глава 3

Оказавшись за забором, Ликида молниеносно спрыгнул в траву и скользнул в кусты рядом с домом. Теперь он был скрыт от любого, кто мог выглянуть во двор или прогуливаться вдоль оставшихся позади забора густых зарослей камелий. Прячась в их тени, он проскочил за дом. И остановился на полпути. Рукой в перчатке нащупал изрезанную глубокими бороздами поверхность из стеклопластика на том, что оказалось деревянными перилами лестницы. Вся внешняя часть дома, каждая его деталь сверху донизу, была сделана из изящного и стильного стекловолокна. Все эти детали были плотно подогнаны друг к другу явными мастерами своего дела. Тот, кто поработал над этим, наверняка прежде трудился в одной из студий Голливуда. Все это было сделано для того, чтобы создавать иллюзии.

Он поднялся на верхнюю ступень. Прежде на верхнем этаже в задней части дома он видел сломанную балюстраду. Она дополняла общее фальшивое ощущение неустроенности. Зазор в перилах по периметру этажа был покрыт светлым листом акрила, неким подобием щита, встроенным сюда в целях безопасности. Никто и не увидел бы его здесь, разве что специально приблизился бы к этому месту или заметил луч солнца в момент, когда тот падает на акриловый щит.

Ликиде потребовалось менее полминуты для того, чтобы достать из кармана набор отмычек и загнать штыри в цилиндр намертво прикрученного болта задней двери. Осторожно работая гаечным ключом и отмычкой, он подогнал штыри, расположив их в пустотах замка, а затем стал поворачивать цилиндр до тех пор, пока жестко прикрученный болт не сдвинулся с места и не открыл замок. Не прошло и минуты, как он уже находился внутри темной кладовой.

Ликида знал внутренний распорядок. Хозяин был холостяком. Горничная и кухарка приходили и уходили, никогда не оставаясь в доме надолго. Горничная приходила трижды в неделю и всегда покидала дом не позже четырех часов пополудни. Кухарка бывала в доме каждый день, появляясь незадолго до завтрака и уходя сразу же после ужина. Не было ни одного случая, когда она задерживалась позднее семи тридцати вечера.

Сейчас было чуть позже десяти часов вечера, и это означало, что в доме находятся только хозяин и его единственная гостя. Эта женщина также входила в контракт, но лишь потому, что была в доме вместе со стариком. Он знал о ней по фотографиям, сделанным фотоаппаратом с телескопическим объективом.

Присутствие женщины осложняло задание. Об обоих следовало позаботиться по отдельности, без шума и в разных комнатах. В противном случае убийца рисковал, что кто-то из его жертв сумеет добраться до телефона или до двери или, что было бы еще хуже, до заряженного пистолета. Никто не предупредил его о наличии в доме огнестрельного оружия, но он предпочел думать, что в доме мог быть один пистолет, а то и больше. Это было логично, принимая во внимание то рискованное ремесло, которым занимался хозяин дома.

Ликида замер, превратившись в каменное изваяние, прислушиваясь к звукам. Похоже, на кухне работал какой-то мотор, возможно, был включен вентилятор. В отдалении слышались голоса, приглушенные, почти неслышные. Он не был уверен, но создавалось впечатление, что разговаривали где-то наверху, на лестнице.

Он быстро заглянул через приоткрытую дверь на кухню. Там никого не было, но на столешнице стояли две грязные тарелки, десертные блюда, вилки и кофейные чашки. Должно быть, обитатели дома решили перекусить в это позднее время. Источником шума, который он слышал из кладовой, была посудомоечная машина, которая продолжала мерно пыхтеть где-то неподалеку.

Несмотря на то что ближайший соседний дом располагался отсюда примерно в сотне шагов, Ликида низко пригнулся, чтобы быть ниже линии окон над раковиной. На столе в цен-

тре кухни он увидел то, что хотел, а именно тяжелый деревянный блок с гнездами, из которых торчали ручки восьми ножей. У убийцы был свой нож, складной, с острым как бритва лезвием. Но он предпочел бы воспользоваться подручными предметами, чтобы убийство выглядело так, будто оно произошло в результате нелепой оплошности преступника во время кражи со взломом.

Опустившись на одно колено, он пошарил рукой в перчатке по столешнице и попробовал на ощупь ножи. Он доставал их один за другим до тех пор, пока не остановился на десятидюймовом ноже шеф-повара. Нож имел острое лезвие волнистой формы и массивную деревянную ручку, что выделяло его среди своих собратьев. Когда трупы будут обнаружены, должно быть найдено и орудие убийства. По узору на металле убийца смог определить, что нож изготовлен из высокоуглеродистой стали. Он попробовал лезвие одним пальцем руки в перчатке. Кухарка, несомненно, следила за тем, чтобы нож всегда находился в отлично заточенном и отполированном состоянии.

Наконец убийца покинул освещенную яркими огнями с улицы кухню и направился в темноту холла в сторону гостиной, расположенной ближе к фасаду дома. Он запомнил по схеме, что лестница должна была находиться слева. Голоса сверху становились громче. Ему даже удалось разобрать несколько слов. Обитатели дома громко спорили. Женщина не кричала, но в ее голосе явственно ощущалось раздражение.

Ликида прислушался, пытаясь ухватить смысл разговора наверху. Наверное, поэтому он не предполагал увидеть горничную до тех пор, пока не обогнул угол и не оказался у нижних ступенек лестницы. С первого же взгляда на нее глаза убийцы широко распахнулись, став похожими на блюдца. Этой женщины не должно быть здесь! Повернувшись к нему спиной, она направлялась в другую сторону, вниз, к холлу и гостиной. Ликида замер на месте, а затем отклонился назад и попытался скользнуть обратно в темноту холла. Но в последнюю секунду, когда казалось, что это ему удастся, женщина внезапно обернулась и увидела его. Должно быть, почувствовала движение позади себя. На какие-то доли секунды застыла с выражением недоумения на лице и, вероятно, пыталась сообразить, кто или, скорее, что такое стояло перед ней. Появление Ликиды часто производило такой эффект. Он всегда носил легкий неопреновый костюм с капюшоном, который позволял при необходимости быстро удалять следы крови. Убийца мгновенно сократил дистанцию, и, прежде чем женщина успела вместе с выдохом испустить крик, его левая рука, затянутая в перчатку, зажала ее рот. Поток теплой крови рекой устремился из груди жертвы, стекая по ручке ножа и по неопреновой перчатке ныряльщика, надетой на правую руку Ликиды. По сильной пульсации крови убийца определил, что ему удалось перебить главную артерию. Он продолжал держать руку у рта жертвы до тех пор, пока колени женщины не подогнулись, а тело не забилося в конвульсиях.

– Подруга, что же ты делаешь здесь в этот час? – пробормотал он ей на ухо. Ликида убивал не потому, что имел необузданно жестокий характер, или из пренебрежения к человеческой жизни. Просто это была его работа. Он собирал жатву людских жизней, как фермер убирает свой урожай. Ведь ему платили за это. Если же случалось так, что чья-то жизнь попадала под его нож просто по капризу судьбы, он всегда сожалел об этом. Но такова была судьба тех, кому было суждено оказаться на его пути в неподходящий момент. Горничную привела к смерти сложная пространственно-временная коллизия.

Хромая судьба привела эту женщину в его руки. Он посмотрел ей прямо в глаза: ее зрачки были открыты, как линзы в камере. Всем весом она повисла на ручке ножа, не дававшей ее телу упасть. Убийца опустил тело на пол и вынул из него нож.

Глава 4

Глядя на Эмерсона, расположившегося за зеленым сукном стола, Катя думала только об одном. На столе было разбросано штук двадцать золотых монет разного размера и формы. Было видно, что некоторые из них явно отлиты вручную. Здесь были золотые эскудо из старых рудников майя в Перу, двадцатидолларовая монета «дабл игл» с корабля «Центральная Америка», затопленного у Восточного побережья США в 1857 году. Все это богатство сияло в мягких лучах света большой студии.

Утром он должен отправиться на встречу с клиентом в Ла-Джолла, местечко, расположенное в нескольких милях отсюда. Он намерен взять Катю с собой и заставить сидеть в машине, дожидаясь его возвращения. Он уже поступал так прежде. Если повезет, он вручит ей несколько долларов и отправит в поход по близлежащим магазинам. Но денег, которые он давал ей, ни в коем случае не хватило бы на дальнюю поездку.

Он уложил большую часть образцов монет, которые намеревался захватить с собой, в специально предназначенный для этого небольшой кейс, который стоял на полу у стола. Монеты были ценны уже тем, что были золотыми. Но для коллекционеров они стоили гораздо дороже. Эмерсон рассказывал ей об этом. Оставшиеся монеты, упакованные в два пластиковых конверта, лежали на столе возле телефона и узкого острого ножа для вскрытия конвертов, который по ошибке можно было принять за византийский кинжал. Но Катя точно знала из его рассказа, что кинжал подлинный. Клинок изготовлен из лучшей дамасской стали в XV веке, когда пал Константинополь. Три года назад на аукционе в Греции Эмерсон заплатил за этот кусок металла больше сорока тысяч долларов. Он хотел произвести впечатление на девушку, но единственный вывод, который она для себя сделала из его рассказа, заключался в том, что у Эмерсона Пайка денег было больше, чем он мог истратить.

– Мне жаль, что я вышла из себя, – сказала она, – прости меня. Я не знаю, почему так случилось. Должно быть, я просто устала.

Он зевнул в ответ.

– Да, конечно. Послушай, я собираюсь принять душ, чтобы хоть немного взбодриться и закончить с делами. А потом намерен пойти спать. Почему бы тебе тоже не пойти в постель? Я приду всего через несколько минут.

Он снова обнял Катю за плечи. На этот раз девушка не стала вырываться. Сейчас было не время выводить его из себя. Пусть он и впредь продолжает доверять ей.

Эмерсон наклонился и поцеловал ее в лоб, назвав дорожкой. Она ненавидела, когда он так к ней обращается.

Это напоминало ей о Твити, глупой желтой птичке из мультфильмов. Но все же девушка улыбнулась ему ослепительной улыбкой. Ведь притворяться уметь не только он один.

– Да, ты прав, – сказала Катя, – я устала. Но сначала я хотела бы выпить стакан молока. Принести тебе что-нибудь?

– После ужина? Ты, должно быть, шутишь. Мой желудок набит битком. Я валюсь с ног, спать хочу. Но все было очень вкусно. Никогда не верь тому, кто скажет, что ты не умеешь готовить.

– Ладно.

Он снова зевнул, постоял немного на месте, потом с улыбкой посмотрел на нее.

По этому удовлетворенному взгляду Катя поняла, что Эмерсон решил, будто девушка снова у него в руках, по крайней мере на какое-то время. Пусть тешит в душе свое самолюбие, поздравляя себя с очередной выигранной битвой. Эмерсон решил, что не надо будет запирать Катю в отдельной спальне.

Катя повернулась и направилась прочь из студии, стуча каблуками по деревянному полу. Затем звук ее шагов заглушил ковер в холле. Эмерсон последовал за ней. Катя повернула к лестнице на первый этаж. Эмерсон пошел другой дорогой в сторону ванной хозяина, чтобы принять душ.

– Увидимся через пару минут, дорогуша.

– Хорошо. – Ей удалось сказать это преувеличенно бодрым тоном, наступив на горло своей гордости. И все же Катя боялась, что после кофе и душа Эмерсону снова удастся взбодриться. Ей предстоит провести без сна долгую ночь, пока она не убедится, что он заснул и не проснется, стоит ей только пошевелиться. А еще он может убрать монеты со стола и запереть их. Она спустилась на две ступени вниз, а затем вдруг остановилась и повернулась. Она ждала, когда Эмерсон исчезнет в длинном коридоре и войдет в хозяйскую ванную.

* * *

Несколько секунд Ликида простоял над телом горничной в десяти футах от лестницы. Затем он перешагнул через труп, тщательно следя, чтобы не оставить за собой кровавые следы, и задумался над ситуацией. Да, возникли некоторые затруднения, но не произошло ничего непоправимого, просто придется внести некоторые коррективы в первоначальный план, слегка изменив детали. По-прежнему было важно, чтобы власти поверили в ту версию, которую он намеревался им предложить. Он быстро прикинул ее в голове.

Потом на лестнице послышались женские шаги, стук каблуков по дереву, который затем утих. Только в последний момент убийца сообразил, что женщина просто ступила с деревянного пола на ковер, что она все еще продолжает довольно быстро передвигаться в его сторону. Она была прямо над ним, несколько в стороне, в верхнем коридоре у лестницы.

Он снова скользнул в темноту столовой, подальше от нижних ступенек лестницы, и осмотрелся. Если она увидит тело горничной прежде, чем ему удастся приблизиться к ней, пока она еще будет на ступеньках, все придется менять. Если ему придется гнаться за ней с окровавленным ножом вверх по лестнице, план можно будет смело выбросить в окошко. В этом случае придется поджечь дом, чтобы уничтожить все то, что могло бы послужить уликами против него. Если она закричит, а старик схватится за пистолет, то коронер на утреннем катафалке повезет его, Ликиды, тело, а не трупы хозяев.

Она показалась на площадке сверху, спустилась на пару ступеней вниз, а затем внезапно остановилась, как будто вспомнив о чем-то. Адреналин запульсировал в венах убийцы. Он был уверен, что она увидела тело. Он удобнее перехватил нож. Мысленно он уже мчался вверх по ступеням, как вдруг до него дошло: она ничего не заметила, она просто не смотрела в ту сторону. Все ее внимание было сосредоточено на чем-то, что находилось позади нее, выше по лестнице. Она постояла так две-три секунды, а затем так же внезапно, как появилась, исчезла, отправившись назад в сторону холла.

Он прождал почти двадцать секунд, уверенный в том, что вскоре она снова должна будет вернуться. Однако этого не произошло.

Он напряженно вслушивался, но не слышал ничего, кроме тишины. Затем раздался звук льющейся воды, дробно стучавшей по твердой поверхности где-то в глубине дома. Должно быть, включили кран в ванной или душ. Наверное, парочка устраивалась на ночь. Это упрощало ему задачу.

Убийца бесшумно вернулся в холл нижнего этажа рядом с кухней. С ножа на ковер в холле капала кровь, но это было не важно. Поскольку он пока не наступал на него, возвращаясь назад, и не собирался оставлять за собой следы наверху, пока все шло прекрасно.

Катя замерла на минуту на лестнице, а затем развернулась, снова направилась вверх и вошла в одну из гостевых комнат рядом с холлом. В темноте она извлекла из-под матраса дорожную сумочку, в которой хранились ее паспорт и виза. Она нащупала свои туфли на каблуках и сбросила их в сумку, а затем переоделась в свободные брюки на бедрах и блузку, обула кроссовки и надела куртку. Ей было невыносимо жаль бросать всю одежду и некоторые другие вещи, купленные для нее Эмерсоном, но теперь было не время думать об этом. Как бы то ни было, небольшая дорожная сумка была заполнена.

Когда она закончила, вода в душе, где находился Эмерсон, лилась в полную силу уже примерно пять минут. Девушка беззвучно прокралась в хозяйскую спальню. Она успела все тщательно продумать. Это был только первый этап ее плана. Сегодня днем ему пришлось ехать в банк за наличными. Она видела, как он пересчитывал банкноты, прежде чем положить их в карман брюк. Он оставил брюки на стуле. Катя достала из заднего кармана бумажник и быстро пересчитала деньги. Всего там оказалось двести шестьдесят долларов двадцатками и несколько более мелких купюр. Девушка облегченно вздохнула. В результате поиска в Интернете она уже знала, что этого хватит, по крайней мере, на первую часть ее путешествия. Она забрала все деньги и бросила пустой бумажник на кровать.

Катя сняла с пояса сотовый телефон Эмерсона, а затем с перекинутой через плечо сумкой направилась обратно в сторону холла. На этот раз она почти бежала. Катя нырнула в студию и направилась прямо к столу, сгребла в сумку все монеты, которые смогла обнаружить на столе. Захватила и те, что хранились в пластиковых конвертах, и тоже отправила в сумку.

Затем девушка схватила лист бумаги – именной бланк Эмерсона. Ее глаза скользнули по столу в поисках ручки, но ничего похожего там не оказалось. Это было очень типично для Эмерсона: на его столе было множество ненужных безделушек, но не нашлось ничего, чем можно было бы написать письмо. Девушка покопалась в своей сумке, вынула оттуда ручку и набросала короткую записку на испанском языке. Она знала: он поймет, что там написано. Но вряд ли содержание этой записки придется ему по душе:

«Я возвращаюсь домой в Коста-Рику. Мне пришлось взять несколько монет, но только для того, чтобы оплатить перелет. Пожалуйста, не пытайся следовать за мной. Я больше не хочу тебя видеть. Если ты появишься рядом, я обращусь в полицию».

Она подписала письмо заглавной буквой «К», бросила на записку ручку, а затем положила поверх записки для дополнительного веса византийский кинжал.

* * *

Ликида посмотрел в окно над раковиной на кухне, а затем проверил то, что ему пришлось увидеть. У него не было выбора. Ему придется двигаться очень быстро. Тот путь, по которому ему придется пройти, может сразу же привлечь внимание, если кто-то случайно окажется снаружи. Он обошел кухонную дверь и включил на кухне свет. Затем он быстро направился к раковине, тщательно смыл с ножа кровь, убедившись, что ее там совсем не осталось. Потом он смыл кровь с правой дайверской перчатки из неопрена, не снимая ее с руки, и с костюма в районе предплечья. Как только все это было сделано, он отступил от окна и вернулся в холл. Небольшим кухонным полотенцем он вытер перчатки, намокшую часть костюма, а потом и нож.

Миновав холл, он отправился вверх по лестнице, чтобы завершить свое дело.

Застегнув сумку, Катя выбежала из студии и направилась обратно по длинному коридору в сторону хозяйской спальни, в заднюю часть дома. Миновав дверь в спальню, она внезапно услышала, как Эмерсон выключил воду в душе. В любую секунду он мог выйти оттуда.

Девушка бросилась в конец коридора, к двери, которая вела к задней лестнице в гараж, расположенный внизу. Теперь ей нужно было еще только одно. Она придержала за собой дверь, чтобы та не издала стука, когда будет закрываться, а просто мягко защелкнулась. Затем настолько быстро и бесшумно, насколько позволяли резиновые подошвы ее теннисных туфель, бросилась вниз по ступеням.

Эмерсону еще нужно было одеться и причесаться, но все равно в любой момент он мог вернуться в спальню. Катя прекрасно успела изучить его распорядок. У нее, возможно, было еще от силы две минуты, а может, и нет. Предварительно она мысленно отрепетировала каждое свое движение. Она все тщательно обдумала. Это был ее последний шанс.

Глава 5

Ликида был примерно на полпути вверх по лестнице, когда мерный шум льющейся воды где-то в задней части дома вдруг стих. Во внезапно установившейся тишине он застыл на месте, как замороженный. Ему показалось, что в этот момент он услышал что-то еще.

Это был отдаленный приглушенный звук, слабый и практически неощутимый. Он напоминал легкие шаги по толстому ковровому покрытию где-то в другом конце коридора наверху.

Одно движение – и очищенный от крови нож шеф-повара снова блестел в руке Ликиды. Он бросился вверх по лестнице, готовый в любой момент прыжком преодолеть расстояние до любого, кто окажется перед ним наверху. Там он замер на несколько секунд и прислушался. Послышался слабый скрип, а затем щелчок. Возможно, это был выключатель, который включили или выключили где-то в другом конце холла. А может быть, причиной было лишь то, что дом потихоньку проседал. Несколько секунд он вслушивался, а его взгляд устремился вверх, подобно лазеру. Больше не было ничего, ни единого звука. Просто тишина, установившаяся после постоянного плеска воды, сыграла с ним шутку.

Ликида добрался до верха лестницы и бросил быстрый взгляд вокруг. Ему был виден проход до конца зала. Длинный коридор был пуст. Убийца бесшумно направился туда, где, как он узнал из плана здания, находилась студия старика. Это был центр нервной системы дома, место, где хозяин вел свои дела. Он понял это по голосам, которые уже раздавались раньше из этого помещения. В студии все еще горел свет. Если только хозяева не оставили здесь свет на всю ночь, чего, впрочем, никогда не случалось прежде.

Он приблизился к двери в студию, той, что располагалась ближе к лестнице. На расстоянии примерно десяти футов безмолвно застыл перед входом, но внимательно обшарил помещение взглядом. За столом в дальнем конце комнаты не было ни души – ни старика, ни девушки. Если ангел смерти все еще на его стороне, эти двое сейчас должны были находиться в разных комнатах, чтобы он смог покончить с ними по отдельности, не создавая лишнего шума. Он вплотную приблизился к двери в студию и бросил быстрый взгляд внутрь. Комната была пуста, по крайней мере, так казалось с той позиции, которую он занимал. Правда, некоторые участки помещения были ему не видны.

Ликида внимательно осмотрел подиум, вернее, ту его часть, которая была видна из-за открытой двери. И снова не обнаружил никого. Он отважился шагнуть в холле к другой двери в студию, той, что располагалась около спальных помещений, находившихся дальше по коридору. Отсюда ему была видна остальная часть студии и подиума на ее втором этаже.

Катя прежде часто пользовалась ванной, расположенной рядом с гостевыми комнатами. Поэтому Эмерсон не удивился, когда, выйдя из душа, обнаружил, что в хозяйской ванной комнате никого, кроме него, не было. Он насухо вытерся полотенцем, оделся, а затем встал перед зеркалом над туалетным столиком, чтобы причесать все еще влажные волосы. Просто невероятно, насколько он устал этим вечером: гости к ужину, напряжение от общения с Катей, обильная еда на ночь. Он не привык ни к чему подобному, поэтому все это сыграло свою роль.

Эмерсон внимательно взгляделся в свое лицо и пробивающуюся на подбородке щетину, потом выключил свет и отправился в спальню.

Он надеялся, что Катя уже успела расчесать волосы и теперь лежит под одеялом. Поэтому, когда его ожидания не оправдались, уже примерно через секунду сознание успело зафиксировать произошедшее. Сегодня она готовилась ко сну дольше, чем обычно. В комнате ничего не изменилось за десять минут его отсутствия, разве что по-другому висят брюки на стуле.

Эмерсон открыл верхний ящик комода, вытащил пару трусов-боксеров, одновременно глядя назад через зеркало над комодом.

И тут он заметил еще одну вещь: свой собственный пустой бумажник, лежащий на брюках. Это вызвало у него всплеск адреналина. Внезапно ему стало не до сна.

Глава 6

Спустившись в гараж, Катя бесшумно открыла водительскую дверцу принадлежащего Эмерсону огромного «субурбана». Ей пришлось встать на подножку, чтобы добраться до козырька над рулевым колесом, к которому крепился пульт дистанционного управления с нужной девушке кнопкой. Она открывала калитку перед машиной. Катя много раз видела, как Эмерсон пользовался этим устройством для въезда и выезда.

Внезапно она услышала звук шагов наверху. Но Эмерсон находился в хозяйской ванной. Катя дотянулась до пульта над приборной панелью и схватила его. Затем бросила быстрый взгляд на другой пульт, но не решилась им воспользоваться. Ведь если она попытается открыть двери в гараж, Эмерсон наверху услышит это. Она тихонько шагнула с подножки машины. Боясь шума, так и оставила водительскую дверцу открытой.

Катя выскользнула из гаража через боковую дверь. Она оказалась в объятиях свежего ночного воздуха и побежала так быстро, как только ноги могли нести ее. Низко над землей плотной завесой стоял туман. Впервые девушку вдруг охватил страх. Меньше чем через минуту, прикрыв за собой механическую баррикаду ворот и молясь про себя, чтобы никто позади, в огромном доме, не услышал этого, Катя оказалась на улице.

Девушка стремительно бросилась прочь от дома, попутно выбросив пульт в заросли кустов в глубоком кювете у дороги. Она бежала не вниз по дороге, где светились огни Дель-Мара, а в противоположную сторону, вверх по холму, в темноту. Она была во власти страха, но ум ее не поддавался испугу, и голова оставалась ясной. Она точно знала, что делает.

Когда Эмерсон выйдет из ванной комнаты и обнаружит в студии ее записку, он немедленно сядет в машину и примется ее искать. Отсутствующий пульт от дверей гаража задержит его всего на несколько секунд, которые потребуются ему для того, чтобы вручную набрать код на клавиатуре у ворот. Катя очень рассчитывала на то, что затем Эмерсон будет искать, повернув по дороге направо, в сторону городка Дель-Мар и старого прибрежного шоссе. Ведь казалось очевидным, что беглянка должна была выбрать именно этот путь.

Потом Катя встанет у одного из домов, расположенных выше по улице, и вызовет такси по этому адресу, воспользовавшись телефоном Эмерсона. Прежде чем он сможет об этом догадаться, она будет уже в Сан-Диего, а он станет обшаривать в поисках ее все новые и новые места.

Ему все сразу стало ясно. Эмерсону не нужно было поднимать бумажник и заглядывать в него. По тому, как небрежно его бросили, Эмерсон догадался, что деньги, которыми тот был набит еще днем, исчезли. Мужчина не стал тратить времени даже на то, чтобы обуть тапочки. С босыми ногами он бросился через холл в студию.

– Катя! Катя!

В его голосе слышались неприятные нотки раздражения. Эмерсон был вне себя от бешенства, и злился он в основном на себя самого. Как мог он быть настолько туп! Ему надо было запереть ее, теперь-то он точно это знал! Он с грохотом влетел в гостевую комнату рядом с хозяйской ванной. Обычно именно здесь Катя готовилась ко сну. Но в комнате было темно и пусто.

Молниеносно Эмерсон подался назад в холл. Он пробежал через коридор в сторону студии и пронесся по лестнице к парадной двери. Выкрикивая имя девушки, Эмерсон кинул быстрый взгляд в студию через первую дверь. Кати не было видно, однако боковым зрением он успел заметить нечто другое, какую-то тень, стремительно метнувшуюся к другой двери, расположенной у лестницы наверху. Внезапно его осенило. Для того чтобы вернуться в Коста-Рику, Кате было недостаточно наличности, которую она взяла из его бумажника.

Эмерсон сразу же перешел на шаг, а затем внезапно остановился между лестничным маршем и студией. По лицу его пробежала ухмылка. Он облегченно перевел дыхание. Хладнокровие почти вернулось к нему. Он плотнее запахнул халат, заново перехватив его поясом, и спокойно направился в сторону студии. «Где деньги из моего бумажника?» Последний звук еще не успел вырваться из гортани, когда клетки мозга Эмерсона перестали повиноваться ему, сорвавшись в агонию. Острый как бритва нож шеф-повара на половину длины лезвия погрузился в левую почку старика. Посланный резким взмахом клинок перерезал орган, парализовав его владельца внезапным взрывом боли. Вокруг горла сомкнулась рука человека, слишком высокого, чтобы это была Катя. Но мозгу Эмерсона было уже не до того, чтобы анализировать случившееся.

Шок охватил каждую клеточку его тела. Самопроизвольные сокращения мышц выгнули спину дугой с такой силой, что ему самому был слышен хруст позвонков. Терзаемый настолько невыносимой болью, что ее не способно было представить человеческое сознание, Эмерсон Пайк не мог вдохнуть даже крохотный глоток воздуха, который позволил бы ему издать хоть один звук. Казалось, это никогда не кончится. Он дошел до того состояния, когда организм, не в силах выдержать муки, сам молит о смерти. Облегчение после той ужасной агонии пришло только тогда, когда черная пустота смерти сомкнулась вокруг него.

Глава 7

Иногда вы получаете знак судьбы в самый неподходящий для этого момент. Для меня таким знаком стала встреча с ней, стоящей у прилавка с бананами, в продуктовом отделе небольшого магазинчика в Дель-Маре, неподалеку от ипподрома. Это было в субботу утром, и я направлялся на ипподром, куда меня потащили приятели. С чашкой кофе в одной руке и маффином в другой я тщетно пытался отделить один банан от трех оставшихся. За этим занятием она меня и застала.

– Не могли бы вы помочь мне, сеньор? – Она стояла и смотрела на меня. Рост примерно пять футов шесть дюймов, на каблуках, с блестящими темными волосами, спадающими на плечи, и улыбкой, за которую не жалко было бы развязать войну. – Ах-х-х... – На мгновение она опустила взгляд, как бы собираясь с мыслями. – Вы не знаете... мм... у них есть плантейны? Вы знаете, что такое плантейн?

Должно быть, я уставился на нее с глуповатым видом. И не потому, что не понял вопроса.

«Плантейны», – произнося это слово, она пыталась помочь себе пальцами обеих рук, поднося их к уголкам рта. Ее полные губы, темноглазая красота навевали на меня мысли о Кэтрин Зета-Джонс, которая спустилась с большого экрана, чтобы поболтать со мной здесь, над гроздьями бананов. Наверное, она прочитала все на моем поглупевшем лице, потому что улыбнулась.

– Ах-х... Я не знаю.

Я не имел ни малейшего представления о том, что такое плантейн, но если бы мог изобрести этот предмет, сделал бы это в тот же момент.

Она была такая сияющая, абсолютно невинная, девушка, о которой вы мечтали в двадцать лет и которой никогда так и не коснулись, и не назначили ей свидания, поскольку это было всего лишь бесплотное видение. Единственное место, где вы могли бы встретиться с ней, – это мир ваших иллюзий. И в тот момент, когда вам покажется, что вы готовы ее коснуться, она вдруг танцующей походкой отправится в Голливуд или поспешит куда-то еще, выполняя контракт с модельным агентством. Какое ей дело до того, что ваше сердце готово разорваться?

Она взяла и подняла один из бананов.

– Похожий на этот, но больше по размеру. – Она развела руки примерно на полметра. – *Habla espanol?*

– *Un poco*. Достаточно только для того, чтобы ввязываться в неприятности, – ответил я.

Незнакомка улыбнулась. В ее улыбке было что-то волшебное. По тому, как девушка улыбалась, я сразу понял, что она уже не впервые видит это выражение растерянности на лице мужчины. Ее как бы окружали некие атомы невесомого эфира. Это должно было подействовать как предупреждение. Для нее же такая ситуация не была чем-то необычным, просто очередная муха попала в ловушку.

– Мне нужны плантейны, чтобы приготовить несколько блюд. Через две недели мы принимаем друзей на ужин. Я готовлю для друзей, – сказала она.

– Вы и меня приглашаете?

Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнул огонек.

– Не-ет. Ну, может быть. Но только если вы поможете мне найти плантейны.

Мы поговорили о том, что она собирается готовить. Она называла это типичным костариканским ужином. Спросила, понимаю ли я, о чем идет речь, но я не понимал.

– Знаете, я не уверен, что когда-либо видел эти, как их... плантейны здесь, в маленьком магазинчике. Наверное, вы могли бы найти их в одном из больших бакалейных магазинов в Сан-Диего.

– О нет, это есть очень далеко. – Лицо девушки стало грустным, но всего лишь на мгновение, пока ее легкий нрав не ухватился за другую мысль. Она втянула носом воздух, чуть наклонившись к большой картонной чашке в моей руке: – Кофе? Ум-м, пахнет вкусно. Как вас зовут?

– Пол. Пол Мадриани.

– О, очень красивое имя, Пол Мадриани.

Ее южноамериканский язычок выговаривал «д» и «р» с такой музыкальностью, какой я никогда прежде не слышал.

– Вы итальянец, верно?

– Да. И этот итальянец собирается позавтракать. – Удерживая банан, другой рукой я достал пакет. – Не хотите ли составить мне компанию?

Она посмотрела через плечо в направлении двери:

– Мой друг занимается бизнесом в одном из офисов на этой улице. Он вот-вот должен прийти. А ваш кофе очень хорошо пахнет. Думаю, что он и на вкус окажется приличным.

– Если вы захотите выпить кофе, то он не станет возражать. – Глядя на нее, я вдруг представил себе ревнивого парня, приставляющего к моей голове заряженный пистолет.

– Кому до этого дело? – Она наградила меня равнодушной улыбкой и взяла банан.

Завтракать так завтракать. Она прихватила еще и маффин, и мы направились к кассе. Выйдя из магазина, я купил ей кофе в киоске, и мы уселись за один из столиков под зонтиком.

– Вы знаете, найти здесь хороший кофе есть очень сложно. Мой друг... Иногда я думаю, что он сумасшедший. В его доме только растворимый кофе. Это сушая отравка. – Она заявила это так серьезно, что я улыбнулся. – Это есть правда. Я говорила ему. Не есть хорошо. У него casa grande, большой дом, и повариха. Мексиканка. – Она посмотрела вокруг и немного округлила глаза. – А растворимый кофе? Я говорила ему, что меня от него тошнит. Я спросила повариху о плантейнах. Она смотрит на меня, будто я сумасшедшая. И сказала, что в бананах полно стероидов. Она не будет их готовить. Она говорит, что не знает, как это делается. Очень упрямая женщина. Наверное, я ей не нравлюсь.

Я подсказал ей названия двух-трех самых крупных бакалейных магазинов в окрестностях и заявил, что ей не стоит тратить кучу времени, чтобы ехать в Сан-Диего в поисках того, что ей нужно. У нее не было ничего, на чем можно записать.

Я нашел в бумажнике свою визитку, залез во внутренний карман своего пальто и вытащил ручку. Вручил ее девушке, и она записала названия магазинов крошечными буквами на обратной стороне визитной карточки.

– Значит, вы не из Мексики? – Мне хотелось немного продлить беседу. Ответ очевиден, если вспомнить, что она собиралась готовить коста-риканские блюда.

– О, нет. Коста-Рика. Сан-Хосе, а до этого – Пурискаль. В горах. Вы бывали в Коста-Рике? – На секунду она оторвала взгляд от записки и посмотрела на меня.

– Нет, но я слышал об этой стране много хорошего. Наверное, там очень красиво.

– О да. Она есть прекрасна. Я люблю мою страну. Не могу дождаться, когда снова поеду туда.

– Как долго вы пробудете здесь?

– Точно не знаю. Я думала, что тридцать дней. Но может оказаться, что мне придется пробыть здесь дольше.

Она закончила писать и, перевернув визитную карточку, спросила:

– Что значит Мадриани энд Хинс?

– Хайндс. «Мадриани энд Хайндс» – это юридическая фирма.

– А вы...

– Меня зовут Пол Мадриани.

– И вы abogado?

– Если слово «abogado» означает адвокат, то мой ответ «да». Я один из партнеров.

– Это впечатляет. Очень хорошо. – Она посмотрела на карточку и поблагодарила меня за нее. – О, ваше имя стоит и на ручке!

– Мы специально заказываем ручки с названием и адресом фирмы для клиентов.

– Понятно. Вы не будете против, если я оставлю себе и ручку?

– Конечно нет.

Она щелкнула ручкой, бросила ее в сумочку и снова посмотрела на визитную карточку, трогая кончиком пальца выбитые на ней буквы.

Мы еще немного поговорили. Она рассказала мне о своем друге и о его бизнесе, заключавшемся в торговле редкими монетами, о том, что он часто берет ее с собой в магазины. Сначала ей все это нравилось, но потом надоело, и теперь она скучает по своим родным. Затем девушка сменила тему и сама приступила к расспросам. Через десять минут она знала обо мне больше, чем некоторые из моих друзей, с которыми мы общаемся в течение нескольких лет. Она сыпала вопросами в стиле истинной уроженки Латинской Америки: где я живу, что делаю в Дель-Маре, женат ли я и т. д. Последний вопрос походил на проверку моего пальца на наличие кольца на нем. Узнав, что я вдовец, она выразила мне глубокие соболезнования и, не дав мне перевести дух, тут же поинтересовалась, есть ли у меня дети.

В ней было очарование настоящей невинности, и поток вопросов лился из нее естественно, как вода из источника.

– У меня есть дочь, – ответил я.

– Сколько ей лет?

– Она учится в колледже, и, насколько я могу догадываться, она лишь на несколько лет моложе вас.

– То есть вы считаете меня молодой?

– Как и большинство вещей в этой жизни, возраст является относительным понятием. В любом случае вы моложе меня.

– Ну почему все американские мужчины такие? – Баюкая чашку с кофе обеими руками, она пожала плечами. – Мне непонятно, почему все они говорят, что я молода, а они слишком стары.

– Может быть, оттого, что это правда.

– А какая разница? Ведь это совсем не важно, – сказала она, – как думаете, сколько мне лет?

– Ну нет, в такие игры я не играю.

– Какие игры? – Она посмотрела на меня непонимающим взглядом.

– В этой стране угадывание возраста женщины – прямая дорога навлечь на свою голову неприятности, – объяснил я.

Она улыбнулась:

– Не-ет, я не буду сердиться. Ну, пожалуйста, – и прежде, чем я понял, что происходит, наклонилась над столом и накрыла мою руку длинными пальцами с наманикюренными ногтями, – скажите мне.

Подобно калекке, у которого отняли ногу, я еще долго чувствовал присутствие ее руки после того, как девушка ее снова убрала.

– Ну скажите же. – Она улыбалась и бросала на меня кокетливые взгляды, похожие на двойные капканы.

– Ну откуда мне знать?

– Попробуйте догадаться.

– Я не знаю.

– Ну, давайте же. – Она поставила чашку и взяла в ладони мою руку. Ответ «нет» она явно не признавала.

– Дайте посмотреть. Двенадцать.

Она посмотрела на меня так, будто собиралась дать мне подзатыльник. Поэтому мне пришлось снова внимательно на нее посмотреть. Для этого она повернула ко мне лицо сначала одной, а потом и другой стороной.

– Гм, насколько я могу догадываться, вам может быть двадцать два года.

– О, вы снова шутите. – Она слегка надула губки.

– Я почти угадал?

– Не скажу.

– Нет, теперь вы должны сказать мне.

– Нет. – Она посмотрела на меня огромными темными миндалевидными глазами. То, как она сделала маленький глоток кофе, а потом посмотрела на меня поверх чашки внимательным оценивающим взглядом, подсказало мне, что, возможно, я ошибся на несколько лет, но ненамного.

– Наверное, там, в Коста-Рике, нашли источник молодости? – спросил я.

Она посмотрела на меня рассеянно:

– Простите?

– Ничего.

– Я знакома с несколькими адвокатами в Коста-Рике. В Сан-Хосе их множество. – Она посмотрела на мою визитную карточку. – Коронадо, где это?

– Ниже по побережью, совсем немного к югу отсюда. По другую сторону бухты Сан-Диего.

– Понятно. А какими именно юридическими делами вы занимаетесь?

– В основном это связано с судебными разбирательствами по уголовным делам.

– Правда? Это должно быть интересным. Вы, наверное, очень умный, раз занимаетесь такими вещами.

– Раз на раз не приходится. Иногда это интересно, иногда вызывает стресс, а иногда просто скучно.

– Итак, если у меня возникнут проблемы, я могу позвонить вам, – сказала она.

– Ну, теперь у вас есть номер моего телефона.

– Да. – Она положила мою визитную карточку в сумку вслед за ручкой.

Мы допили кофе. Мне нужно было бежать искать своих друзей. Мы попрощались. Это было почти две недели назад.

Глава 8

В то утро Катя уже не выглядела такой молодой и невинной. Улыбка исчезла с ее лица, как и озорной блеск из глаз. Но даже без макияжа, после трех почти бессонных ночей, проведенных в женском отделении государственной тюрьмы, она все же была потрясающе красивой.

Гарри Хайндс, мой партнер, настоял на том, чтобы поехать этим утром на встречу вместе со мной, может быть, для того, чтобы удостовериться в том, что она состоится, а может быть, хотел спасти меня от меня самого, я так и не понял до конца. Но похоже, что теперь Гарри решил сделать свою ставку во всех этих событиях. Новые трупы как бы призывали Гарри к оружию. В результате мы могли во всем этом увязнуть надолго.

Как ни странно это звучит, первым звонком вчера утром послужили удары в нашу дверь представителей полиции, а вовсе не Катин телефонный звонок. Среди прочих вещей при аресте копы обнаружили в ее сумочке мою визитную карточку. Это возбудило их любопытство. После убийства и ареста подозреваемой власти решили поинтересоваться, что я знал о преступлении и как моя карточка могла оказаться в ее сумочке еще до произошедшего, если, конечно, последовательность событий была именно такой, как предполагали в полиции.

Особенно их интересовало, была ли девушка когда-либо в моем офисе на законных основаниях, по делу. Я ответил «нет». Они спросили, приходилось ли мне бывать в доме в Дель-Маре, где она проживала с Эмерсоном Пайком. Я снова ответил отрицательно. То есть мы не связаны отношениями адвокат-клиент? Нет. Это открыло все шлюзы. О чем только они не говорили. Они хотели знать все подробности. Когда я рассказал почти фантастическую историю своего знакомства с Катей в магазинчике две недели назад и о нашем разговоре за кофе сразу же после этого, они, похоже, мне не поверили.

И это был единственный раз, когда встречались и разговаривали с ней? Да.

Конечно, тогда я не придавал этому особенного значения. А потом было слишком поздно. Кто-то где-то проболтался представителям прессы, что визитная карточка известного адвоката такого-то была обнаружена в сумочке подозреваемой в убийстве. А затем об этом круглосуточно вещали все местные новостные каналы, повторяя душераздирающую историю об адвокате, который мог быть замешан в убийстве. И теперь Гарри хотел знать, что именно было известно копам. Это превратилось в игру в пятнашки между адвокатами, и было похоже, что в этот момент мне придется водить.

Поэтому этим утром мы занимались сопоставлением немногих известных нам деталей о том, как полиция штата Аризона задержала Катю в автобусе, в котором она направлялась в Хьюстон. Судя по сообщениям прессы, не подтвержденным официальными властями, Катю вычислили по сигналу мобильного телефона, который она украла у своего друга и сожителя, дилера на рынке монет, ныне пребывавшего мертвым вместе со своей горничной. Уже одно это было достаточно неприятным известием для того, чтобы впредь вы дважды подумали, стоит ли покупать бананы в магазинчике Дель-Мара в субботнее утро.

Должен признать, что я не связывал Катю с тем преступлением, пока в мою дверь не постучались полицейские. В этой части штата совершается так много преступлений, что еще одно убийство совсем не обязательно должно привлечь ваше внимание, даже если об этом трубят в вечерних новостях. Но когда копы ушли, я погрузился в газеты с тем, чтобы прочитать все, что печаталось в них, начиная с той ночи, когда был убит Эмерсон Пайк.

Завтра утром в присутствии государственного защитника Катя должна предстать перед судом по обвинению в двойном убийстве первой степени. И в настоящий момент я не уверен, что мы сможем ей помочь. Горы улики против нее кажутся неопровержимыми. Мы с Гарри заверили государственного защитника, что вовсе не собираемся наступать ему на пятки. Мы установили взаимоотношения адвокат-клиент лишь для того, чтобы оценить, сможем ли взяться

за это дело. По одной из тех гнусных причин, за которые почему-то иногда любят хвататься адвокаты, государственный защитник был бы рад, если бы мы включились в процесс. Почему? Ну хотя бы потому, что в этом случае я не мог бы выступить свидетелем по этому делу.

Катин адвокат не мог точно знать, что его клиент мог сказать мне в день нашего знакомства и как этот вполне безобидный эпизод может быть расценен. Какие выводы сделает из этого обвинение, если я буду вынужден стоять на месте свидетеля? Может быть, это приведет к ассоциациям с другим пожилым человеком, пострадавшим по вине этой очаровательной юной обвиняемой. Самым лучшим способом уберечь от этого Катю было бы вовлечь меня в процесс. Как только я поговорю с ней как адвокат с клиентом, пусть даже на тему, имеющую самое отдаленное отношение к данному делу, привлечь меня для дачи свидетельских показаний будет запрещено. Скорее всего, обвинение не сможет использовать в качестве улики мою визитную карточку.

Катя, похоже, была рада видеть меня, хотя ее и удивил мой приход. Не знаю, почему ей не пришло в голову воспользоваться моей визитной карточкой и позвонить мне. Но я не стал спрашивать ее об этом.

– Думаю, нам следует начать с самого начала. Как вы оказались в автобусе? – спросил Гарри.

Конечно, на самом деле это было не совсем начало. Я бы первым делом спросил ее о том, как она познакомилась с Эмерсоном Пайком и как развивались их взаимоотношения. Но на какое-то время я предпочел передать инициативу Гарри.

– Если вы решили вернуться в Коста-Рику, то почему не самолетом? – продолжал Гарри. – Из Сан-Диего в южном направлении летают прямые рейсы.

– Я не могла, – сказала девушка, – первым местом, где Эмерсон стал бы искать меня, был аэропорт.

– Но Эмерсон Пайк был убит, – сказал Гарри.

– Я не знала об этом. Все, что я знаю, – это то, что, когда я покидала его дом, он все еще был жив, – при этом она посмотрела на меня, – поверьте мне, я знала, что он стал бы преследовать меня. И первое место, куда бы он направился, был аэропорт в Сан-Диего. Кроме того, у меня было недостаточно денег на билет на самолет.

– Давайте поговорим об этом, о деньгах, – продолжал Гарри, – на бумажнике Пайка, том, что полиция нашла на кровати, были обнаружены отпечатки ваших пальцев. Вы знаете об этом?

Она покачала головой, а затем сказала:

– Конечно же меня это не удивляет. Я взяла деньги из того бумажника. Я уже сказала полицейским, что мне нужны были деньги на это... как вы это назвали? На boleto.

– Билет, – подсказал я.

– На booze, – она говорила об автобусе, – только таким путем я могла бы сбежать от Эмерсона. Он не дал бы мне денег. И он не позволил бы мне уехать.

Гарри стоял от нее меньше чем в двух футах, всего в одном футе от стула, на котором она сидела, и смотрел на нее. Это была его излюбленная поза, когда он навещал кого-то в тюрьме и ждал правдивых ответов на свои вопросы.

– Почему же он не отпустил бы вас?

– Я не знаю, – она посмотрела на него и покачала головой, – но он не позволил бы мне уйти. Я его постоянно просила об этом. Но он даже не отвечал мне. Он говорил, что любит меня. Но я знаю, что это неправда.

Мой партнер кинул в мою сторону циничный взгляд. Гарри для себя все решил: старик и молодая женщина – трудно найти на земле другую причину произошедшего, имеющую более древние корни.

По молниям, мелькнувшим в глазах Кати, я понял, что она видит Гарри с его мыслями насквозь.

– Нет. Это не так, – сказала она. – Здесь что-то другое. Я уверена, что это как-то связано с фотографиями.

– Какими фотографиями? – спросил я.

В течение нескольких минут она рассказывала нам о фото, сделанных ее матерью в прошлом году в Колумбии, о том, как Эмерсон завладел этими снимками, после того как нашел их в ее камере. Она рассказала нам и то, что Пайк сам предложил ей совершить с ним поездку на север, в США, и погостить в его доме в окрестностях Сан-Диего, и о той чудесной ловкости, с которой он сумел получить для нее краткосрочную визу, будто бы по ее просьбе.

Гарри посмотрел на нее недоуменно:

– Сколько времени, вы говорите, заняло оформление визы?

– Три дня.

Гарри сделал пометку в блокноте.

– Это будет довольно легко проверить, – заявил он.

Катя рассказала нам о своей матери, которая, насколько она знала, до сих пор находилась в Колумбии, куда поехала навестить родственников. Эмерсон заставлял Катю звонить домой каждый день, чтобы проверить, не вернулась ли ее мать в Коста-Рику. Девушка была уверена, что Эмерсон не собирался отвозить ее в Коста-Рику до тех пор, пока мать не вернется туда, а может быть, и вовсе не собирался возвращать домой. Пленница Эмерсона Пайка. Наверное, это был для нее самый лучший способ защиты, а может быть, даже единственный.

– Почему вы не обратились в полицию или консульство Коста-Рики? – спросил я. – Если бы вы сделали это, то сейчас не находились бы в таком ужасном положении. Там бы вам помогли, вы же знаете.

Она робко посмотрела на меня:

– Я не была уверена в этом. Эмерсон был могущественным человеком. У него было много денег. У него могли быть друзья в полиции. Посмотрите, как быстро он сумел получить для меня визу на въезд в эту страну. – У нее на все были готовы объяснения, даже на то, почему она не удосужилась просто сделать два телефонных звонка.

– Он когда-нибудь обидел вас? – Погрузившись на самое дно, Гарри решил быстро вынырнуть обратно.

– Нет.

– Он когда-нибудь запирали вас или ограничивал в передвижении?

– Нет. Но мне кажется, он собирался сделать это. Если бы он знал, что я попытаюсь бежать.

– Но он ведь никогда не делал этого?

– Нет. Но он не позволял мне иметь наличные деньги. Как только он находил у меня деньги, тут же забирал их. А потом отправлял эти деньги моей семье в Коста-Рику. Я не могу объяснить это иначе, чем его попыткой успокоить моих родственников, а меня удерживать здесь против воли.

– Говорили ли вы ему, что хотите уехать домой в Коста-Рику?

– Практически каждый день. А иногда и по несколько раз в день.

– И как реагировал он?

– Он искал отговорок. На следующей неделе. В следующем месяце. Через две недели. А потом он менял тему разговора.

– Вы не думали о том, что следует пойти в полицию? – Гарри знал, что это будет первым вопросом, который задаст Кате сторона обвинения, как только она предстанет перед судом.

– Нет, но, если бы меня поставили в безвыходное положение, я бы сделала это. И он знал об этом.

– Эти снимки, – спросил я, – которые сделала ваша мать, почему они так его заинтересовали?

– Я тоже хотела бы знать это. Но он не говорил мне.

– Где теперь эти снимки?

Если верить Кате, снимки находились в полиции. В день, когда ее арестовали, они лежали в ее сумке. В ночь, когда она убежала, они повздорили с Эмерсоном из-за фотографий. Наконец, он вернул ей фото, и она сунула их в свою сумку перед тем, как выйти из дома.

– Настало время поговорить о сумке, – заявил Гарри, – что еще лежало в ней? – Гарри уже знал об этом, но хотел услышать, что скажет Катя.

– Вы имеете в виду золотые монеты и корешки квитанций из ломбарда? Я уже все им рассказала об этом. – Катя говорила о полиции и своих первых заявлениях ее представителям.

Ее план был прост. Когда она летела в Америку с Пайком, их самолет приземлился в Хьюстоне, где они пересели на другой рейс. Она знала, что может вернуться домой из этого города. Она знала и то, что денег, которые она позаимствовала в бумажнике Пайка в ночь его убийства, хватит на билет от Сан-Диего до Хьюстона. Улучив момент, когда Пайк не следил за ней, она нашла в Интернете расписание автобусов.

По словам Кати, золотые монеты она взяла со стола в студии Пайка, чтобы купить на них билет на самолет из Хьюстона в Коста-Рику.

Она не знала точно, сколько стоил такой билет. Но знала кое-что другое. Ей потребуется время на то, чтобы обратить монеты в наличные деньги. Если верить Кате, расписание автобуса давало ей это время. К тому же автобус позволял девушке увеличить расстояние между ней и Эмерсоном Пайком. Пока он станет искать ее в аэропорту, она уже будет далеко. Ей удалось сбыть несколько монет в ломбарде в маленьком городке на западе штата Аризона всего за несколько часов до того, как ее задержала полиция. В ее кошельке оставались квитанции ломбарда, которые лежали вместе с наличными. Когда Катю остановили полицейские, она решила, что ее арестовали за воровство.

Было ясно, что если кто-то и заслуживал тюрьмы, то это был владелец ломбарда. Катя понятия не имела о том, что она продает. Как установили эксперты, она заложила в ломбард редкие монеты стоимостью более тридцати тысяч долларов, получив за это чуть больше тысячи четырехсот, меньше, чем стоило само золото, из которого те монеты были изготовлены.

– А что случилось с остальными монетами? – спросил Гарри.

– Они были в моей сумке, – ответила девушка.

– Нет, я имею в виду оставшиеся двести восемьдесят шесть монет. Именно столько их пропало, по мнению полиции. Тех, что хранились в выдвижных ящиках. Тех самых, что вы взломали.

Катя недоуменно посмотрела на меня, затем снова на Гарри:

– Я и не приближалась ни к каким выдвижным ящикам. Зачем мне это было нужно? Я взяла только то, что лежало на столе сверху. Там было девятнадцать монет и еще двенадцать других, в пластиковых конвертиках. Я внимательно сосчитала в автобусе все монеты, что лежали у меня в сумке, пока никто не смотрел в мою сторону. Я уверена в том, что говорю. Я не брала никаких других монет.

По данным полиции, в ночь убийства Эмерсона Пайка из его студии пропали монеты на сумму полмиллиона долларов.

– Вы уверены, что не хотите подумать над ответом на этот вопрос? – спросил Гарри. – Куда вы могли деть остальные монеты?

– Да, уверена. – Катя посмотрела на него негодуя. – Я знаю, что я взяла и чего не брала. – Потом она умоляюще посмотрела на меня: – Но ведь это доказывает мою правоту, разве нет? Там был кто-то еще. К тому же у меня не было бы времени на то, чтобы взять что-то еще, даже если бы я захотела.

– Почему? – спросил я.

– Эмерсон был в душе. Я слышала, как льется вода. Я знала, что он может выйти в любой момент. У меня не было времени, чтобы взять что-то еще. Все, что я успевала сделать, – это схватить монеты со стола и написать записку. Я едва успела выскочить за дверь.

– О какой записке вы говорите? – спросил я.

Она посмотрела на меня в растерянности:

– Я уже говорила об этом в полиции. Я говорю о той записке, что оставила для Эмерсона на его столе. Я написала, что беру несколько монет, но ровно столько, чтобы мне хватило на то, чтобы вернуться домой в Коста-Рику. И попросила его не преследовать меня. Я написала, что, если он вздумает гнаться за мной, я пойду в полицию.

Это заявление заставило нас с Гарри переглянуться. У нас был список того, что обнаружили следователи на месте преступления, составленный полицией для государственного защитника, результат начала расследования. Гарри пробежал по списку, водя пальцем по строчкам вниз, от страницы к странице. Когда он закончил просматривать последнюю страницу, он взглянул на меня и покачал головой.

– Там не было записки, Катя. Полиция не нашла никакой записки, – сказал я ей.

– Я не понимаю.

– Говорил ли вам кто-либо, что именно обнаружили сыщики на месте преступления?

Она покачала головой. Катя была в полном неведении. Даже государственный защитник ничего ей не сказал.

– Они обнаружили тело Эмерсона Пайка на полу в студии. Вы знаете горничную?

Катя кивнула.

– Ее нашли зарезанной внизу. Тело обнаружили на ступеньках у столовой.

– Бедная женщина. В тот вечер Эмерсон попросил ее прийти поработать, – сказала Катя, – убрать после того, как я готовила ужин. Было уже поздно. Она не хотела приходить. Вы помните? – спросила она. – Плантейны.

– Да.

– В тот день я готовила ужин. Гости пришли, потом ушли. Было всего две пары. Эмерсон хотел, чтобы горничная сделала уборку. Я говорила ему, что это может подождать до утра. Но он не послушал меня и вызвал ее. – Она откинулась назад на тяжелом металлическом стуле, впервые осознав ужас того, что произошло.

Полиция опросила гостей, но, как отмечалось в отчетах, те ничего не знали.

– Там было четырнадцать выдвижных ящичков с монетами, – Гарри решил несколько ослабить напряжение, – замки на них были взломаны, и, как отмечается в отчетах полицейских, все монеты из ящичков пропали.

– Но я не брала их.

– Я знаю. – Гарри начинал верить ей. По-видимому, все дело было в том, что здесь было слишком много неопровержимых улик, когда все штрихи ложились один к другому. – И Пайк, и горничная были убиты ножом, который взяли на кухне внизу, – сказал мой партнер, – полиция нашла его. На оружии не было отпечатков пальцев. Кто бы ни воспользовался им, он вымыл и высушил его, а потом оставил на раковине. Там осталось всего одно небольшое пятно крови у рукоятки. Это называется уликой. Она совпала с кровью горничной.

– Я не понимаю, – сказала девушка.

– В полиции считают, что тот, кто убил Эмерсона, затем сбежал вниз по лестнице и наткнулся на горничную. Преступники, может быть, и не хотели убивать ее, но поддались панике. Им пришлось убить ее, чтобы скрыться.

– А какое отношение это имеет ко мне? Я не выходила из дома тем путем. Я вышла через гараж, под задней лестницей. Мне пришлось воспользоваться пультом из машины Эмерсона, чтобы открыть дверь.

– А как мы можем доказать это?

– Отпечатки моих пальцев. Они должны были остаться на двери гаража.

– К сожалению, ваши отпечатки можно найти по всему дому, – сказал Гарри, – ведь вы там жили несколько недель. Даже если бы мы нашли ваши отпечатки на задней двери, мы не смогли бы доказать, когда именно они были оставлены на этом месте. Это могло случиться и в ту ночь, и за две недели до этого.

Можно было заметить, как надежда умирала в Катиных глазах. Затем следующая вспышка.

– Пульт, – сказала она, – тот, что от двери напротив. Я выбросила его в кустах у дороги. Мы можем его найти. Это докажет то, что я была в гараже и в машине.

– Даже если мы его найдем, единственное, что мы сможем доказать этим, будет то, что вы действительно вышли из дома через гараж, – сказал Гарри.

Как и я, Гарри знает, что теория событий, последовавших за убийством, не всегда вписывается в жесткие рамки. Она в высшей степени пластична и дает преступнику целый ряд путей, следуя по которым он может попытаться избежать наказания. У обвинения сейчас уже возникли проблемы с уликами. И дело не только в орудии убийства – кухонном ноже, который, очистив, положили на видном месте, чтобы его там обнаружили. На передней двери не нашли отпечатков пальцев, только кровавые пятна у дверной ручки. И это вовсе не редкость для мест совершения кровавых преступлений. Даже в безумном стремительном бегстве преступники очень редко оставляют за собой четко различимые отпечатки. Это скорее исключение, чем правило.

И самое худшее. На теле Эмерсона Пайка были обнаружены две большие раны: одна из них, та, что на спине, и стала смертельной, вызвав шок и обильное кровотечение. Проблемой была вторая рана. Гарри пытался объяснить это Кате, похоже ошеломленной набором деталей, каждая из которых после движения по зловещному кругу неизменно указывала на нее как на виновную.

– Вторая рана, – объяснял Гарри, – нанесена уже после смерти, когда Пайк был уже фактически мертв. В полиции считают, что причиной ее нанесения стало состояние ярости, в котором пребывал убийца.

– Я не понимаю, – пробормотала девушка.

– Им нужно будет как-то объяснить присяжным, почему кто-то продолжал наносить удары ножом уже мертвому человеку.

– Это отвратительно. Тот, кто это сделал, просто loco, сумасшедший.

– Можно было бы надеяться на это, но вряд ли судья удовлетворится таким объяснением, – заявил Гарри, – они могут отнести это на счет ярости или адской ненависти, но факт сумасшествия придется доказывать нам. Наиболее вероятно то, что психиатры будут трактовать это как попытку отправить послание мертвецу, оставив торчать в его груди одну из самых любимых игрушек Пайка.

Гарри дал ей некоторое время переварить услышанное. Он молча стоял, наблюдая за ней, ожидая, не треснет ли ее защита, не выдаст ли она чем-то себя, услышав эти слова.

Она покачала головой и пожала плечами:

– Como se dice? Как перевести это слово?

– Психиатр, – пояснил я.

– Доктор, который лечит головы, – уточнил Гарри. – Вы должны понимать, что полиция обязательно пригласит одного из них в качестве свидетеля.

– Да. Я понимаю.

– Он может заявить присяжным, что, по его мнению, вторая рана явилась попыткой направить яростное послание Эмерсону Пайку уже после его смерти, как бы обвиняя его в том, что у него было слишком много денег. Что, возможно, убитый недостаточно делился ими со своим убийцей.

Она сидела, сдвинув брови, с растерянным выражением на лице. Даже если Гарри удалось затронуть в ней какие-то чувствительные точки, этого совсем не было заметно.

– Вы ничего не хотите нам сказать? – снова спросил Гарри.

Она помотала головой и посмотрела на меня.

– Ладно. – Гарри испустил тяжелый вздох. – Оружие, которое полиция извлекла из груди Эмерсона Пайка, представляет собой очень дорогой кинжал. Кстати, он использовал его для того, чтобы вскрывать конверты с почтой.

После этого лицо Кати просветлело.

– Да, я помню его. Он лежал на столе.

– Именно там вы видели его в последний раз? На столе?

– Да. – Но когда она сказала это, ее лицо снова помрачнело.

– На рукоятке кинжала полиция обнаружила несколько полустертых отпечатков пальцев, – сообщил Гарри, – догадываетесь чьих?

– Нет. Нет-нет. – Катя посмотрела безумным взглядом сначала на Гарри, а потом снова на меня. Она повторила слово «нет» много раз, как будто одного этого было достаточно для того, чтобы опровергнуть улики в виде кинжала и отпечатков пальцев на нем. Несколько секунд казалось, что она пытается восстановить дыхание. Одну руку она держала на уровне живота, как будто Гарри каждым своим словом заставлял ее легкие сжиматься и будто кузнечными мехами откачивал оттуда по унции воздуха.

– С вами все в порядке? – спросил я.

– Пожалуйста, я могу все объяснить. – Она подалась вперед и коснулась руки Гарри. Он отступил назад, за ее стул. – Вы все неправильно поняли. Послушайте меня, пожалуйста.

За тридцать лет адвокатской практики Гарри приходилось выслушивать всякое. Так почему бы не попробовать и сейчас?

– Да, продолжайте, пожалуйста.

– Да, действительно, я брала его в руки. Мне надо было сказать вам. Но я забыла.

– Кинжал? – переспросил Гарри.

– Да. Но это не то, о чем вы думаете. Я брала его, чтобы положить сверху на записку. Я говорила вам об этом, помните? В ту ночь я написала Эмерсону короткую записку, в которой говорила, что беру монеты, и просила не преследовать меня.

– Да.

– Я оставила ту записку на столе у Эмерсона в студии. Я взяла кинжал – он лежал на столе, – положила его сверху на записку, чтобы зафиксировать ее. Чтобы он точно ее увидел. Вот и все.

– Как пресс-папье.

– Да. – Она чуть из кожи не выпрыгнула, указывая на меня, когда я произнес это слово. – Совершенно точно. Я использовала его вместо пресс-папье. Вы понимаете? Вот так там оказались отпечатки моих пальцев.

Вы понимаете? – Девушка умоляюще посмотрела сначала на меня, потом снова на Гарри. – Вы ведь верите мне?

Гарри ненадолго задумался. Он остановил на ней долгий пристальный взгляд, от которого, должно быть, Катя чувствовала себя не в своей тарелке. Потом взглянул на меня поверх очков:

– Ну, что ты об этом думаешь? – Прежде чем я успел что-то сказать, Гарри сам сделал это за меня: – Пресс-папье для несуществующей записки, которую якобы кто-то оставил на месте преступления, но которую копы так и не нашли. – Он посмотрел на девушку с сардонической улыбкой: – Имеете ли вы представление о том, как поступили бы полицейские, если бы вы сказали им об этом в день своего ареста?

Катя тяжело сглотнула:

– Нет.

По выражению ее лица было видно, что, если бы Гарри сейчас сказал ей «подвергли вас казни на месте», она бы поверила ему.

– Они до сих пор смеялись бы, – закончил он, – вы понимаете, что это значит?

– Нет, – покачала она головой.

– Это означает, что иногда полиция не может знать, где правда, даже если только что услышала ее.

Глава 9

Алим Афунди всей душой стремился попасть в засушливые горы Загрос, откуда был родом и где находилась деревня его отца. Он думал о том, суждено ли ему когда-нибудь вновь побывать в отчем доме. Он знал, что никогда больше уже не увидит своих родителей. Они оба погибли два года назад в результате ошибочной атаки американских военных самолетов, когда ездили в гости к родственникам на границу с Ираком. Позже могущественные силы Сатаны назвали тот несчастный случай «косвенными потерями» и отнесли его к неизбежным, пусть и печальным издержкам миротворчества.

Поэтому-то Афунди и его товарищи и находились на другом континенте. Чтобы попасть туда, понадобилось пересечь полмира.

Прошел уже почти год с его побега из охраняемой американцами крепости в заливе Гуантанамо. Никто из них не имел и понятия о слове «Гуантанамо» до тех пор, пока вновь не обрел свободу. За те месяцы, что они провели в тюрьме, к ним не навывались представители международной общественности или других организаций, которые занимались правами заключенных. Захватившие Афунди американцы пустили по тюрьме слух, что все они находились в американской метрополии, в месте, называемом Флоридой, окруженном болотами и кишачими акулами морями, что оттуда не было возможности вырваться домой.

Бежать отсюда пытались уже несколько раз, но, насколько знал Афунди, только ему и шести его товарищам сопутствовала удача, и они обрели свободу. Они разрезали колючую проволоку, сделали подкоп под ограждением, а затем долго брели по болотам, пока, наконец, обессиленные и потерявшие надежду, не наткнулись на группу вооруженных военных.

В отчаянии оттого, что, как он полагал, они снова попали в неволю, Афунди попытался убить себя, перерезав вены на запястье бритвенным лезвием. Но двое военных в зеленых мундирах спасли ему жизнь. Афунди узнал об этом позже, когда в больнице его навестил генеральный консул его страны. Там ему сказали, что спасшие его люди были кубинскими солдатами, а американская крепость-тюрьма была подобна острову в Карибском море. Если бы его товарищи по борьбе за свободу знали об этом, то, как полагал Афунди, они бросились бы на штурм укреплений вокруг американской территории, не обращая внимания на пулеметный огонь.

Несколько недель Афунди и его товарищи оставались гостями кубинского правительства. Их чествовали как героев, принимали как почетных гостей, ожидая, когда весть о попытке побега облетит весь мир. Но этого не произошло. Казалось, американцам было неловко признать свою неудачу, поэтому даже в собственной прессе они ничего не писали о побеге. Но Афунди считал, что кубинцы и правительство его собственной страны должны были рассказать о том случае миру. Однако, как ни странно, и этого не произошло.

Вместо этого через шесть недель после побега из Гуантанамо Афунди и его друзей с переводчиком погрузили в кубинский военный самолет, который взял курс на запад, увозя их с острова еще дальше от родного дома на встречу с союзниками, которые вели боевые действия в горах Колумбии. Повстанцы имели при себе двадцать миллионов долларов наличными, полученные от родного правительства. Им сказали ждать, пока не поступит приказ о выполнении новых задач. В ожидании же приказа им предстояло проходить необходимую подготовку вместе с представителями колумбийского народа. Еще с шестидесятых годов Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК) контролировали небольшой участок территории страны, примыкающий к Тихому океану у Панамского перешейка.

За те месяцы, что Алим и его товарищи провели в Колумбии, они многому научились у своих гостеприимных хозяев из ФАРК. Организация действовала в стране, как правительство в изгнании. Неофициально ФАРК имели союзников как в родной стране Афунди, так и во многих других странах. Они были частью сложной международной сети, а также ряда органи-

заций внутри страны. Связи ФАРК охватывали правительства практически всех континентов, с ними сотрудничали борцы за свободу таких организаций, как талибан в Афганистане, а также наркокартели, деятельность которых, наряду с похищением людей с целью получения выкупа, позволяла ФАРК ощутимо пополнять свой бюджет.

Общаться с новыми друзьями было сложно, но для Алима и его людей трудность общения упрощалась общей целью, к которой стремились все, – желание уничтожить Великого Сатану, разрушить власть американского режима, освободить от его хватки раз и навсегда всех людей во всем мире. Алим был абсолютно уверен в том, что дьявол должен умереть за то, что ведет войны и вмешивается в дела других народов. Ирония судьбы была в том, что, развязав успешные войны за нефть на Ближнем Востоке, монстр должен встретить собственную судьбу в результате развязанной на его задворках войны наркотиков, о которой все уже забыли.

В восьмидесятых и начале девяностых годов американцы совместно с колумбийским правительством в течение десяти лет вели войну за то, чтобы убрать из страны представителей наркотрафика. Американцы преуспели лишь в том, что картели возникли в форме почти такой же мощной организации теперь уже на территории Мексики, почти рядом с их собственной границей, в местах, названия которых для Афунди было сложно даже просто произнести, в Тихуане и Сьюдад-Хуаресе.

Близость этих сил к огромным залежам денег, армии сил зла, что стояли во главе их, заставили Сатану попытаться заслонить себя от них.

Американцы возвращали новые посты прослушивания за границей с целью воскресить свою разведывательную сеть, набрать туда новых людей. Они использовали технологию прослушивания всех телефонных разговоров и считывания сообщений электронной почты. Но, даже имея все это, теперь они стали еще более уязвимы, чем прежде. Они не делали ничего для того, чтобы смягчить гнев миллионов людей, который мог вскоре воплотиться в нечто такое, чего не мог бы себе представить даже сам Сатана.

Отдельные элементы нового замысла уже стали осуществляться. Деньги, которые получали картели, делали свое дело. Они не знали, о доставке какого именно груза пойдет речь. Им говорили, что они сами будут пользоваться продуктом своего труда, как им заблагорассудится, после того, как продукт будет готов и доставлен к месту назначения. Теперь мексиканский картель был важнейшим элементом общего замысла.

И пока картель спасал как самого Афунди, так и его миссию. Он не знал, как долго это продлится. Проблема возникла в первую очередь из-за того, что Алим позволил появиться здесь, на территории ФАРК, женщине. Потому что старик был слаб и нуждался в ней. ФАРК посылали к нему докторов, но старику нужна была она, его дочь. Алим пребывал в отчаянии. Он сделал бы все, что угодно, лишь бы тот остался жить.

Сложности возникли из-за того, что человек, которому он поручил следить за ней, не выполнил свою работу, а также из-за того, что ей ни в коем случае нельзя было позволить уйти с их территории. Это было грубой ошибкой.

Все началось со спора. Когда старик сказал им, сколько времени все это займет, Афунди понял, что не сможет так долго ждать. Доктора уже сказали ему, что, по их прогнозам, старику осталось месяцев шесть-восемь, если вывезти его отсюда. Это было четыре месяца назад. Если он умрет, все будет кончено. Все знали об этом. Правительство Афунди прислало своих специалистов-техников, чтобы разобраться с проблемой на месте. Те решили, что у русского было больше информации и он владел технологиями, без которых осуществление всего замысла было безнадежным делом. Устройства безопасности, встроенные в схему с самого начала, невозможно было обойти, не обладая специальными знаниями об их строении.

В последовавшей после этого ссоре внимание Афунди и его людей, включая и того, кому было поручено наблюдение за женщиной, было настолько приковано к переводчику, которому они поручили доказать русскому, что большую часть работы они способны выполнить только

в случае, если он точно укажет им, что делать, что никто не обратил внимания на женщину с ее камерой.

Несколько месяцев Алим просто не знал о проблеме. К счастью, у ФАРК были свои источники в Коста-Рике. Американский турист стал задавать вопросы и даже назвал фамилию Никитина. Алим было достаточно узнать о возникновении некоторых юридических проблем и о том, что турист каким-то образом нашел фотографии, чтобы немедленно начать действовать.

У представителей картеля в Мексике было то, чего не было у Алима: возможность пересечь границу с помощью легальных документов якобы для ведения бизнеса, а также люди, которые имели подготовку для того, чтобы решить проблему.

Конечно, речь шла просто о наемнике, работающем за деньги, но он работал очень быстро, и, по крайней мере в настоящий момент, проект все еще оставался жив. Однако этот человек оставил за собой ниточку, представляющую собой опасность того, что, потянув за нее, можно будет распутать весь клубок. Это был настолько тонкий момент, что Афунди даже тревожился, когда ему не разрешили беспокоить по этому поводу старика или его дочь. Сейчас она жила здесь постоянно, хотя, насколько знал Афунди, пока еще не понимала этого. Теперь уже не будет больше телефонных звонков и поездок в Медельин. Поэтому и риск распространения опасной информации значительно уменьшился. Заняться оставшейся ниточкой должны были люди из картеля. Этим утром Афунди с помощью переводчика ставил им задачу: они должны закончить свое дело, и должны были сделать это быстро.

Ликида сидел за столиком открытого кафе на Оранж-авеню в Коронадо, за два квартала от офиса адвоката. Прихлебывая мелкими глотками капучино и погружая в пузырящийся напиток печенье, он прикидывал свои возможности.

Адвоката звали Пол Мадриани, а его фирма «Мадриани и Хайндс» попала в обзоры прессы днем раньше. Этим утром, попивая кофе, Ликида пытался выяснить для себя как можно больше подробностей. Как сообщалось в обзорах новостей, фирма подтвердила, что взялась представлять интересы женщины. Об этом писали все местные газеты и трубили телевизионные каналы в Сан-Диего. Двойное убийство в окрестностях городка Дель-Мар, ужасное место кровавого преступления, арест молодой женщины – все это было самыми главными новостями. Во всяком случае, для местной прессы. Если ему повезет и у него получится работать быстро, на этом печальная история, произошедшая в Сан-Диего, закончится и никаких новых вопросов уже не возникнет.

Пока пресса и другие СМИ в своих обзорах ограничивались всего несколькими деталями того, как власти схватили ее в штате Аризона при попытке скрыться. Некоторые строили догадки относительно того, какие отношения связывали ее и пожилого мужчину; другие вообще предполагали, что она находилась в стране нелегально. Пресса связывала тему нелегальной иммиграции с историей безжалостного убийства. По мнению ее представителей, волна насилия из-за рубежей страны несла с собой угрозу для ни в чем не повинных гринго, что становились ее жертвами. Конечно, они не могли не знать, что одна из жертв, горничная, сама была мексиканкой, и, насколько знал Ликида, у нее точно так же могли отсутствовать документы. Сегодняшние утренние газеты сообщали о том, что подозреваемая в убийстве женщина, как предполагалось, тоже была родом из Мексики или из Колумбии. Рано или поздно они докопаются до истины и поднимут шум вокруг ее костариканского происхождения. Работодатели Ликиды явно дали ему понять, что рассчитывали на то, что ему удастся покончить с проблемой прежде, чем она возникнет.

Он продолжал читать. На полстраницы ниже было напечатано интервью с братом убитой горничной. Тот рассказал репортерам, что его сестра не собиралась в злополучный вечер выходить на работу, но в самый последний момент ей позвонили и попросили об этом. Брат подвез

ее к дому, где совершилось преступление, примерно в девять тридцать. Должно быть, Ликида едва успел разминуться с ними. Это раздосадовало его, но не настолько, чтобы он прекратил по кусочку откусывать печенье.

Он появился у ограды дома Пайка не раньше чем без четверти десять. Если бы он попал туда раньше и увидел горничную, подъезжающую к дому на машине брата, он отложил бы выполнение задачи.

По сообщениям прессы, брат вернулся к дому, чтобы забрать ее, около полуночи, после безуспешных попыток связаться с ней по сотовому телефону. Сама женщина тоже не звонила домой. Он позвонил в звонок у ворот, но никто не отозвался. Что он делал потом, было неясно, так как полиция проинструктировала мужчину не делать об этом заявлений прессе.

Некоторые подробности, в том числе и те немногие, которые удалось собрать репортерам новостей с места преступления, несколько отличались от фактов, известных Ликиде. Как обычно, власти опустили все важные детали следствия, описания улик на месте преступления, следов крови внутри дома, характер ранений у жертв и способ их нанесения. Единственной подробностью об оружии убийства была общая информация о том, что жертвы погибли от ножевых ранений, а также констатация факта, что одна из жертв была обнаружена на втором этаже, а вторая – на нижнем этаже дома.

Избавившись от старика, Ликида рассчитывал на то, что теперь он мог действовать свободно. Насколько можно было рассчитывать на то, чтобы привлечь внимание женщины и заманить ее в студию? Расправившись с Пайком, убийца специально создал шум, топая по полу, а потом стал ждать.

Когда это не сработало, он опрокинул в студии небольшой выставочный шкаф, в результате чего разлетелось его стекло и разбилось несколько кубков и других наград, а также сувениров, помещенных внутри деревянного корпуса.

Когда и на этот раз женщина не прибежала на шум, убийца стал подозревать, что она была глухой. Он принялся искать ее в комнатах на втором этаже, но так и не смог обнаружить. В тот момент Ликида был, как никогда, близок к состоянию паники.

Первой мыслью было, что женщина видела его и сумела скрыться, возможно спрыгнув с высоты второго этажа, где он ее застал. Если это так, то полиция должна была прибыть с минуты на минуту. Ликида стал покрываться потом. Он беспорядочно метался из одной комнаты в другую, обыскивая первые попавшие в голову участки дома. Потом он спустился в гараж и обнаружил дверцу машины открытой. Он проверил, на месте ли ключ зажигания. Его не было. Он подумал, что, возможно, женщина хотела воспользоваться машиной, но не смогла.

Затем убийца вдруг заметил, что боковая дверь из гаража во двор открыта. Женщина должна была скрыться через эту дверь, но он не побегал за ней. Если ей удалось добраться до телефона, скоро в дом должна прибыть полиция.

Ликида снова бросился вверх по лестнице. Если ему не удалось добраться до женщины, ему следовало срочно попытаться найти документы и сразу же трубить сигнал к отступлению. Он начал искать документы в том месте, где они, скорее всего, и должны были находиться, то есть в студии. Только тогда он обнаружил ту записку, что женщина написала Пайку. Она находилась ближе к краю стола, где лежала придавленная ручкой и богато украшенным ножом для открывания писем. Ликида поднимал записку, не касаясь ее. Его пульс упал до сорока ударов в минуту. Она не видела его. Она бежала от старика, захватив с собой несколько монет. Ликида опустил на стул за столом, чтобы восстановить дыхание.

Он не мог с уверенностью сказать, сколько времени прошло с момента ее бегства. По его расчетам, с тех пор, как он видел ее в последний раз на площадке перед лестницей, глядя на нее снизу вверх, прошло не меньше десяти минут. Он попытался мысленно собрать воедино фрагменты того, что видел и слышал. Звук льющейся воды, должно быть, означал, что старик

принимал ванну или душ. Ликида догадался, что женщина ударилась в бега, когда услышала эти звуки. Ей нужно было поторопиться, иначе он бы мог поймать ее.

Итак, дела шли не очень хорошо. Сначала горничная, а теперь еще и это. Убийца стал мысленно прикидывать, как он может выследить беглянку, вспоминать, когда должен быть следующий авиарейс в Коста-Рику. Он стоял в раздумье перед столом, на другой стороне которого лежала ее записка, как вдруг в его голову пришла мысль, что проблема исчезнувшей женщины и той внезапности, с которой она совершила бегство, могла быть решена отдельно.

Когда обнаружат два трупа и вызовут полицейских, те очень быстро сумеют сосчитать всех по головам и поймут, кого не хватает. Соседи, скорее всего, знают, что она жила в доме с Пайком. И повариха, конечно, знала об этом. И друзья Пайка были в курсе. Методом исключения, имея два трупа и одного исчезнувшего, можно было прийти к двум версиям: либо убийцы, покончив с остальными, взяли ее в заложники, либо она сама совершила убийство. Когда ее найдут, а найдут обязательно, факт ее бегства послужит основанием для того, чтобы ее тут же арестовали.

Он снова прикинул в уме варианты. Альтернативы не было. Единственным свидетельством в ее пользу была бы записка, но и здесь полицейские могли решить, что она написала ее, чтобы сбить их с толку. Власти должны будут прийти к очевидному заключению: либо здесь была ссора и смертельная схватка, либо она просто хотела денег. В любом случае это она убила Пайка и устранила горничную, появившуюся на ее пути. Ведь все улики будут говорить именно об этом.

Он поднялся со стула и обошел вокруг стола. Он уже дотянулся рукой до записки, когда вдруг что-то заставило его инстинктивно остановиться. Это был нож для бумаг, массивный кинжал, который лежал поверх записки.

Даже сейчас, сидя здесь, на улице, с чашечкой кофе, наблюдая за движением машин по широкой улице, неподалеку от адвокатской конторы, Ликида улыбнулся.

Тогда он сразу понял, что, взяв нож, чтобы положить его сверху на записку, она оставила на нем отпечатки пальцев. Он посмотрел на лезвие. Оно было очень острым и имело двустороннюю заточку. Женщина своими нежными ручками не станет брать кинжал за лезвие. Она возьмет его за изящную бронзовую рукоятку.

Все было очень просто. Он ухватил кинжал за лезвие рукой в перчатке, зажал между пальцами, а для того, чтобы надавить на него, воспользовался массивным томом. Он вогнал кинжал старику между ребер в верхней части груди. Было достаточно двух хороших ударов, и нож ушел по самую рукоятку. Он сгреб записку со стола, смахнув оттуда пластиковую ручку, которую ударом ноги отправил глубоко под стол. Это было не важно. Он сделал то, что хотел. Он сложил записку и сунул ее в карман.

Затем Ликида приступил к поиску документов. Он нашел то, что, как он полагал, было одним из них, но не был в этом уверен. Это был глянцевый снимок, который лежал на столе лицевой стороной вверх, однако был прикрыт журналом. Но снимок не совпадал с теми фото, которые ему описали, когда поручали это дело. Тем не менее мужчина чуть опустил молнию своего костюма спереди и поместил снимок в самодельную сумку емкостью примерно в одну кварту. Затем он снова повесил сумку на грудь и застегнул молнию комбинезона.

Пусть они там сами решают, относится ли подобранное им фото к делу.

Затем убийца обыскал выдвижные ящики стола и два старинных деревянных шкафа с полками, которые стояли у стены позади. Он не пропустил ни одной папки. Нигде не было признаков каких-либо еще документов. Он снова осмотрел все в студии. Все ящички для монет были слишком маленькими для того, чтобы там можно было поместить фотографии размера восемь на десять дюймов.

Пришлось потратить еще несколько минут на осмотр спальни хозяина, единственного, помимо студии, места, где старик мог хранить снимки. Но ему снова не повезло. Мужчина

заглянул в спальню, где девушка хранила свои вещи, частично в шкафу, частично сложенными в выдвижных ящиках бюро. Он прочесал там все. Документы не нашлись, зато обнаружилась ее камера. Она также числилась в списке вещей, которые он должен был изъять по указанию заказчиков. Камера хранилась в футляре вместе с дополнительным чипом памяти и запасным аккумулятором. Он забрал все это вместе.

Ликида прекратил поиск документов и вернулся в студию. Последней вещью, относительно которой он получил специальные инструкции, был переносной компьютер Пайка, а также любые другие носители информации, которые к нему прилагались. Компьютер стоял на столе с подключенным к нему флеш-устройством. Мужчина сложил компьютер и флешку. Затем нашлась работа и для его запасного ножа, прикрепленного ремешком к ноге. С его помощью Ликида взломал в студии более двадцати закрытых выдвижных ящиков и выгреб оттуда все, что напоминало золото, в большую полотняную сумку, специально для этого захваченную с собой. Когда сумка была наполнена золотыми монетами, компьютером со шнуром и устройством памяти, небольшой камерой, принадлежащей девушке, Ликида боялся, что днище сумки не выдержит веса своего груза. Он едва смог поднять ее.

Золото он взял, пользуясь оговоренным правом захватить из дома любую вещь из коллекции монет, которая будет ему интересна. Единственным условием было сделать так, чтобы никто в дальнейшем не смог найти следов пропавших монет. Полиция не сможет определить, сколько монет женщина взяла с собой и кто взломал ящички, где хранилась коллекция. Ведь полиции сейчас придется расследовать не кражу со взломом; они будут стараться как можно скорее раскрыть тяжкое преступление и в процессе расследования выведут его на пропавшую женщину.

На кухне внизу он еще раз вымыл нож и оставил его в раковине. И как завершающий штрих, он обозначил тонкую полоску кровавых следов, которая вела туда от тела убитой горничной. Для этого убийце пришлось воспользоваться собственным ножом, на кончик которого он зачерпывал кровь с трупа, а затем наклонял нож так, что кровь заполняла выемку у рукоятки. Он знал, что эксперты обнаружат эти следы, из чего полиция сделает вывод, что горничная была убита последней. Ликида также постарался перенести пятна крови с тела Пайка на одежду горничной, для того чтобы еще больше запутать следствие относительно очередности убийств. Небольшое кровавое пятно он оставил у входной двери в районе ручки. Сама дверь также оставалась полуоткрытой. Ликида же покинул дом той же дорогой, которой он попал туда, то есть через заднюю дверь, которую он тщательно закрыл за собой.

Через восемнадцать часов полицией штата Аризона была задержана женщина. Предприимчивый репортер одной из аризонских газет, зная о том, что подозреваемая взяла с собой какие-то монеты, взял интервью у владельца ломбарда, в котором она заложила их. Пока все шло отлично, по крайней мере, так думал Ликида.

Ликида никогда прежде особенно не переживал по поводу своей работы. Просто его работодатели были вечно чем-то недовольными людьми. Всегда сложно делать какие-либо выводы, если тебя нанимают убивать людей, но при этом почти никогда не объясняют за что.

Его убедили, что женщина была не самым главным звеном в этой работе. Ему сказали, что если ее не будет в доме в то время, когда он будет убивать Пайка, то такой вариант будет приемлемым. В этом случае ему следует сосредоточиться на том, чтобы отыскать и изъять документы и фотографии, если получится, и забыть о женщине. Ему сказали, что самым главным было убить Пайка и забрать у старика документы. Если Ликиде удастся найти еще и фотографии, то ему будет выплачено дополнительное вознаграждение.

Проблема состояла в том, что мужчина и женщина никогда не расставались. Ни один из них никогда не выходил из дома без другого. Именно поэтому убийца решил, что ему придется позаботиться сразу об обоих.

Но, по мнению работодателей, позволить женщине избежать смерти было одно, а устроить все так, чтобы ее обвинили в убийстве, – совсем другое дело. Его план подставить ее полиции для ареста не был одобрен.

Из прошлого опыта своей деятельности Ликида уяснил, что клиентам никогда не интересны извинения или ссылки на то, как трудно было выполнить работу. Если он запрашивал большие деньги за ее выполнение, значит, он знал, как ее следует сделать. Если ты провалил большой контракт, то ты не сдержал слова. И если ты подвел людей в высоких сферах, то рискуешь не только дальнейшей карьерой.

Этим утром, сидя в кафе за чашечкой кофе, он ждал послания. Все компьютеры в интернет-кафе оказались заняты. Ему приходилось ждать.

Ликида никогда не пользовался сотовой связью. Это было слишком опасно. Даже наследные лорды наркобизнеса, полагавшие себя бессмертными, встретили смерть, прилетевшую к ним с неба. Были обнаружены их обуглившиеся застывшие тела с оторванными ушами, но рядом с головой непременно плавилась одна из этих изящных пластиковых коробочек.

Поэтому Ликида завел себе более двадцати разных электронных адресов под вымышленными именами в свободных почтовых системах, таких как Hotmail, Yahoo, и десятке подобных. Лучшие и самые надежные из них управлялись зарубежными провайдерами из мест, где влияние американского правительства было ограниченным или, что еще лучше, несущественным. Он регулярно выходил на связь с нанимателями, а те слали ему ответные послания.

Он использовал каждый адрес всего по одному разу, после чего избавлялся от него, как от нижнего белья. Он менял провайдеров для того, чтобы правительственным структурам было сложнее обнаружить его, отследить перемещения или просто прочесть его почту. Для того чтобы замаскировать сообщения, он пользовался кодами, не теми, что заранее загружаются в домашний компьютер, а собственными. В том мире, в котором жил Ликида, паранойя быстро становилась частью жизни. Все знали, что ключи практически ко всем коммерческим системам кодирования всегда были в распоряжении американского правительства.

В Гвадалахаре Ликида нанял человека, который изобрел для него кодирующую программу с очень сложным алгоритмом. После этого тот человек уничтожил собственный ключ к программе, и теперь никто не смог бы взломать ее. Ликида точно знал это, так как он лично проследил за этим. Спустя полминуты он убил программиста, перерезав ему горло, а его офис сжег, предварительно залив каждый его дюйм бензином.

После убийства Пайка и исчезновения женщины на какое-то время наступило затишье. Но после известия об аресте женщины обстановка резко изменилась. Как сообщил Ликиде посредник, осуществляющий связь с теми большими людьми, что снабжали его работой, тот непрофессионализм, с которым было выполнено последнее задание, грозил в скором времени обернуться неприятными последствиями.

Ликиде не сказали, в чем состояла проблема, но объяснили, что вскоре начнутся расспросы относительно Пайка и всего того, что с ним связано. Но Ликида практически ничего не знал о старике.

Он до сих пор не получил оплаты за документы Пайка. Все, что он обнаружил, было отправлено курьерской почтой вместе с компьютером старика.

Но самой большой проблемой, той, что заставляла его размышлять бессонными ночами о том, не будет ли вскоре объявлено вознаграждение за его собственную жизнь, был тот необъяснимый гнев, который вызвало у работодателей известие об аресте женщины. До сих пор было непонятно, была ли важна ее жизнь или нет. Если она являлась важной частью их плана, то почему его не предупредили заранее? Он позаботился бы о том, чтобы она ни в коем случае не смогла скрыться.

Ответ пришел в зашифрованном электронном сообщении через пять минут. Он прочитал его на экране одного из компьютеров кафе и загрузил его в программу-декодер в устрой-

стве внешней памяти, которое было подсоединено к компьютеру через USB-порт. Затем он стер сообщение из почтового ящика на компьютере, места, где в случае опасности его будут искать в первую очередь. Ликида знал, что копии сообщения имеются и в других местах, как на самом компьютере, так и у различных провайдеров, через сети которых проходила его почта. Но все те копии были закодированы, и перехвативший сообщение все равно ничего не смог бы прочитать.

Но даже если бы кто-то все-таки расшифровал его, не зная, о чем именно идет речь, невозможно было бы понять смысл.

Ликида выдернул устройство внешней памяти из компьютера и вернулся к своему столу снаружи. Из рюкзака он вынул старенький нетбук размером с тонкую книгу. Кое-где поцарапанная, совсем не новая машинка никогда не соединялась с сетью Интернет или другими компьютерными сетями. В нетбуке полностью отсутствовали данные, за исключением основной операционной системы и единственной программы пользователя.

Ликида включил компьютер и запустил программу. Он вставил устройство внешней памяти в единственный USB-порт на задней панели машины и раскрыл сообщение. Несколько щелчков клавиш – и появился незашифрованный текст на испанском языке. Как обычно, он был кратким, и даже для самого въедливого читателя его смысл остался бы неясным.

«Проблема состоит в следующем. Посмотрите, сможете ли вы найти ее решение.

Вы выпустили на волю змею правосудия, позволив ей двигаться по сложному извилистому пути. У нее женская голова, но она обладает ячеистым зрением. Она ничего не видит, следовательно, не может нанести удар. Но опасайтесь ее мощно бьющего хвоста. Он способен свернуть горы, даже не понимая, что это такое, и обрубить ветки, не зная, куда они ведут. Она может заползти в те места, куда не следует. Решение: как прогнать змею?»

Это было не то, чего ожидал Ликида. Они не беспокоились о том, что женщина владеет информацией, которую может раскрыть. Она ничего не знала. Ее глаза ничего не видели. Он изучил послание и по тому, как была изложена задача, быстро выделил для себя главную проблему.

Из-за него женщина попала в место, куда не должна была попасть, а именно на скамью подсудимых в американском суде. Его работодателей волновало не то, что она могла рассказать, а то, какие выводы из этого сделают представители правосудия. Все сокрушающим на своем пути змеиным хвостом были неутомимые следователи и въедливые американские адвокаты, которые займутся делом женщины во время следствия и на суде.

В отличие от других событий на этот процесс невозможно было повлиять, сделать его более предсказуемым с помощью взятки. Убийство судьи здесь неизбежно стало бы событием, известным всей стране. Стоило застрелить одного адвоката, как на его место тут же придет другой, еще до того, как успеет остыть тело предшественника. Если ты становишься слишком заметным, молот американского федерального правительства обрушится на тебя. Ликида знал, что его собственные работодатели предпочтут убить его задолго до того, как такое случится.

Он глубоко вздохнул. Он не имел ни малейшего представления о том, что они намеревались предпринять, но, что бы там ни было, теперь они считали, что попали в рискованное положение именно из-за его прокола. Змея «могла заползти в такие места, куда ей не следовало попадать», – именно так формулировалась проблема. Он привел в движение процесс, который не мог бы контролировать ни он сам, ни его шефы.

Это был едва ли не самый крупный из его контрактов. Люди не платят такие деньги, не понимая, что все это очень важно для них и связано с риском высочайшей степени. Какие новые разоблачения могут последовать после этого, он не знал и не хотел знать.

Его разум в тот момент был занят тем, как составить электронное письмо, ответ на полученное послание. Змею убивают, отрезая голову.

Глава 10

Тот факт, что Катя сначала рассказала нам о записке, о том, как написала ее и оставила на столе Пайка, но не упомянула о кинжале, по мнению Гарри, был одним из весомых свидетельств в пользу того, что она говорила правду. «Подумай об этом», – заявил он.

В это утро я, Гарри и Герман Диггс, сыщик, к услугам которого мы прибегали в течение нескольких лет, находились внутри территории, ограниченной желтой полицейской лентой, где располагался дом Эмерсона Пайка, на возвышенности над городком Дель-Мар. Герман с одним из частных детективов агентства, охранявшего дом, находился внутри дома в поисках новых улик на месте преступления. Еще один детектив в штатском и небольшого роста мужчина в полицейской форме стояли у главных ворот. В руках Гарри была папка с документами государственного защитника, в которой находились копии отчетов полиции и детективов, которые занимались расследованием дела с той роковой ночи и в течение нескольких последующих дней. Все это теперь было передано нам.

– Если она действительно вогнала тот кинжал в грудь Пайка, то я глотатель шпага, – заявил Гарри. Он старался говорить тихим голосом, несмотря на то что полицейские находились слишком далеко от нас, чтобы что-то расслышать.

– Ты видел тот ее взгляд. Она ничего об этом не знала. Ничего не волновало ее, пока я не заговорил об отпечатках пальцев. Только тогда она поняла, что трогала ту проклятую штуковину, когда положила ее поверх записки.

Гарри проповедовал, как монах перед церковным хором. Цепь событий, которые предшествовали убийству и окружали его дурно пахнущими деталями... Я решил взяться за это дело задолго до того, как мы подошли к этому моменту. Катя напоминала мне дочь. Я представлял себе Сару, которая попала в подобные обстоятельства в чужой стране, и размышлял, нашелся ли бы кто-то, кто протянул бы ей руку помощи. Катя чувствовала себя попавшей в западню, и я знал об этом, в отличие от Гарри.

– Это ничего не значит, – сказал я.

– Знаю.

– Почему же ты молчишь?

– А тебе нужно услышать нечто такое, что окончательно убедило бы тебя? – Он одарил меня одним из своих знаменитых «фирменных» взглядов. – Этот чертов дом очень странный. Никогда не видел ничего похожего. Пока не подойдешь к нему вплотную, кажется, что он вот-вот завалится. Это место вызывает у меня нервную дрожь.

– То же самое говорила и Катя. Помнишь, как она обсуждала это с Эмерсоном? Он тогда проигнорировал ее замечание, заговорил о том, что здесь у него появляется странное чувство умиротворения, что она со временем тоже привыкнет к этому. Она тогда не поняла, что он имел в виду.

Было ясно, что Пайк специально строил этот дом так, чтобы не привлекать к нему внимания. Он не относится к постройкам, которые выглядят как бельмо на глазу. Посмотрев на этот дом один раз, вряд ли вы захотели бы взглянуть на него снова. Единственное, что отличало дом, – система безопасности, которая защищала его, когда хозяин был в отъезде, а такое происходило практически постоянно.

– Это судьба.

– Может быть.

– Так много всего, что я даже не знаю, с чего начать. О чем бы мы ни слышали, что бы ни читали или видели, теперь это не имеет значения, – сказал Гарри. – Так что, я думаю, дом соответствует своему расположению. Итак, мы должны поверить, что Катя в ярости ударила

Пайка кинжалом, потом случайно натолкнулась на горничную внизу и убила и ее. Но тут ей взбрело в голову вымыть нож только для того, чтобы бросить его в раковине...

– Со следами крови на нем, – дополнил я.

– Да, все чисто, только одна кровь, как при переливании, и никакого смешения, – заметил Гарри. – Одним и тем же ножом она зарезала Пайка, а затем и горничную, однако на ноже мы нашли только следы крови горничной, но не Пайка.

– Надо думать, что она ополоснула и руки, пока отмывала нож, – сказал я.

Когда мы шли по траве сбоку от дома, Гарри посмотрел на меня лукаво.

– Отсюда вопрос: как в таком случае кровь попала на переднюю дверь? – спросил я. – Как сообщили из лаборатории, вся обнаруженная кровь принадлежит горничной, никаких признаков крови другой группы, хотя следы крови Пайка были обнаружены на одежде горничной.

На секунду он задумался об этом:

– Копы, возможно, скажут, что она дотронулась до двери, не заметив этого, а потом вернулась на кухню ополоснуть нож.

– Я понимаю. Итак, она взяла себя в руки, но внезапно забыла о кинжале в груди Пайка наверху с отпечатками ее пальцев на нем повсюду. При этом на рукоятке совсем не было крови, только отпечатки пальцев. И почему же она их не смыла?

– Ну, прежде всего потому, что и не думала убивать кого-то кинжалом. Это сделал совсем другой тип, – сказал Гарри, – это единственная разумная мысль из тех, что мы уже слышали.

– Для нас может быть и так.

На первый взгляд все эти незначительные детали, все эти мелкие несоответствия на месте преступления прокурор будет не в состоянии объяснить. В большинстве случаев можно быть уверенным в том, что, пока дело дойдет до суда, обвиняющая сторона найдет способ изыскать и оформить все эти мелочи и включить в дело.

– Мы оба знаем, что скажут на суде эксперты, – продолжал Гарри, – они будут настаивать, что убийца был трусливым глупцом. Что после убийства Катя запаниковала. И поэтому допустила эти глупейшие промахи: кровь на двери, кинжал в теле жертвы. Да здравствуют паника и глупость.

Все умозаключения Гарри звучали достаточно правдоподобно, чтобы успокоить меня. Присяжные также могут в это поверить.

Гарри смотрел в свои записи:

– Какое-то время полицейские считали, что найдут следы наркотиков, но их ожидания не оправдались.

Я посмотрел на него:

– Они нашли три или четыре небольших муслиновых пакета, связанных сверху бечевкой. Проверили то, что было в них. Это оказался корм для кошек.

– Ты сказал, таких пакетов было три или четыре?

Гарри перелистал несколько страниц отчета в поисках нужного места:

– На самом деле их было пять. Один из них оказался открытым. Более того, он был буквально растерзан, полагают, что это могла сделать кошка.

– У Пайка была кошка?

Гарри покачал головой:

– Насколько я знаю, нет. Никаких животных. Полиция должна была это проверить. И в их отчете нет ни слова о животных в доме. По словам знакомых Пайка, он более половины времени в году проводил путешествуя за границей. В основном в Латинской Америке, где, как я полагаю, бывал по делам своего бизнеса. Даже если бы у него было домашнее животное, ему пришлось бы пристраивать его где-нибудь.

– Давай-ка проверим это. Посмотри, есть ли записи о том, что у Пайка была кошка, от которой он потом избавился.

Гарри сделал пометку. Мы закончили нашу бесцельную прогулку по траве около дома и глянули на датчики движения, часть системы безопасности, что вышла из строя в ночь убийства.

– Нам известно расположение датчиков движения?

– Есть где-то здесь, – сказал Гарри, заглядывая в папку. Там нашелся и план прилегающей к дому территории, но недостаточно точный. Гарри не мог с уверенностью сказать, где именно располагался ближайший датчик. – Мне нужно проконсультироваться с детективами в доме. Дай мне секунду.

Гарри направился к воротам, у которых толпились полицейские.

Я же прошествовал к дому. Ветер колыхнул ровный ряд камелий, когда я проходил мимо, и вдруг что-то привлекло мое внимание. На мгновение ветром приоткрыло то, что было скрыто за одним из кустов. Это мог быть кусок ветоши или оберточной бумаги. Я видел, как нечто белое овальной формы мелькнуло в колыхавшейся листве. Приглядевшись, я заметил, что предмет испещрен пятнами кофейного цвета.

Несколько мгновений я размышлял о том, не следует ли позвать полицейского, чтобы он забрал мою находку. Однако, если я правильно понял, у экспертов уже было пять подобных предметов. Одним больше или меньше – не так важно.

Я огляделся. Мне был слышен голос Гарри, который еще не дошел до группы полицейских у ворот. Он махал руками и что-то говорил, приближаясь к ним. Я встал между мужчинами у ворот и кустом. Заслоняя им спиной обзор, подошел к кусту и сдернул предмет с того места, где он висел. Это был пакет, влажный от росы, горловину стягивала веревка. Взяв пакет в руки, я понял, что он тяжелее, чем можно было предположить. Внутри было что-то твердое, два или три предмета, которые на ощупь походили на камешки, завернутые во что-то более мягкое.

Внезапно я услышал, как Гарри разговаривает с кем-то на ходу, направляясь в мою сторону. Инстинктивно я протянул руку к боковому карману брюк и позволил маленькому пакету скользнуть туда, прежде чем снова вынул руку.

Гарри представил меня детективу. Я пожал протянутую мне руку. Еще через пару секунд детектив показал, где располагались два датчика. Один находился на дереве, другой – у клумбы в двадцати шагах.

– Но в ту ночь они не работали? – спросил я.

– Так написано в отчете. Его писал не я, – сообщил детектив.

– Как говорят ваши сыщики, охранная компания была вынуждена отключить их из-за неполадок в работе.

– Ну, если они так говорят...

– Вы знаете, когда отключили систему?

– Это не отмечено в отчете. Вам придется поговорить с представителями охранной фирмы.

Я поблагодарил его, и он отправился назад, к маленькому парню в синей форме у главного входа.

– Этот господин очень нам помог, – связвил Гарри.

– Эксперты снаружи ничего больше не обнаружили?

– Насколько я знаю, нет. Никакой крови. Никаких следов обуви, хотя я сомневаюсь, что они искали так уж тщательно. Никаких свидетельств взлома, ничего подозрительного...

– За исключением охранной системы, которая не работала, – сказал я, глядя в сторону забора, туда, где менее чем в ста футах были размещены еще два датчика движения. – Нам кое-что известно. Убийца пришел этой дорогой, через забор, и, возможно, перелез через него там, где мы сейчас стоим. Он не стучал в парадную дверь, значит, насколько я могу догадываться, поднялся по этим ступеням. – Я кивнул в сторону площадки в задней части дома.

– Из-за камеры перед дверью.

– Точно.

Дом Пайка был оборудован системой безопасности с двумя уровнями защиты: датчики движения и камеры. В ту ночь все остальные камеры работали. Примерно до десяти тридцати они не зафиксировали ничего необычного. Затем наружные камеры перед домом запечатлели фигуру, бежавшую через двор к воротам. Это была убегавшая Катя. Было видно, как она воспользовалась пультом управления, чтобы открыть ворота, затем оставалась в кадре еще несколько секунд, после чего исчезла. Об этом говорилось в одном из отчетов. Единственной неработавшей камерой была та, что расположена с этой стороны дома. Ее объектив заслонял большой лист магнолии, по воле ветра застрявший каким-то образом перед линзами. По крайней мере, именно так пытался это обосновать полицейский, работавший под камерой.

Гарри посмотрел на камеру на столбе у забора позади нас:

– У нее большой объектив.

– Я сразу заметил это.

– А ты заметил, что на земле вокруг нас нет ни одного листа магнолии?

– Может быть, у Пайка был хороший садовник, – предположил я.

В течение секунды Гарри покусывал верхнюю губу, а затем прикрыл рукой глаза:

– Нет, дело не в этом. Для того чтобы получить лист, в вашем распоряжении должно быть дерево, – сказал он. – Ты видишь где-то рядом магнолию?

Гарри был ботаником-любителем, специалистом именно по деревьям. Сказать, что он знал о деревьях гораздо больше меня, значило не сказать ничего.

– Можешь мне поверить: если лист магнолии, которая закрыла объектив, принес ветер, это должно было быть что-то вроде урагана, который добрался до наших мест из соседнего округа.

– Ты уверен в этом?

– Я уверен и в том, что тот лист приехал сюда на автомобиле. У меня нехорошее предчувствие, – произнес Гарри, – из разряда тех, что посылает короткие покалывающие импульсы через то, что осталось от волос, в район позвоночника.

– Почему это?

– Наш друг, тот, что перепрыгнул забор и прошел этим путем, демонстрирует ненормальные наклонности искажать природу вещей, – заявил Гарри, – и почему-то это будит во мне страх.

Глава 11

Заказ на предоставление услуг прибыл с другого края страны. Заказчик находился от штата Виргиния примерно на таком же расстоянии, как Гавайи или Аляска. Но не это было самым странным. Лаборатория «Херрингтон» ежедневно выполняла работы в интересах клиентов, разбросанных по всему свету.

Направлением деятельности компании в течение более шестидесяти лет являлась специальная обработка фотоснимков, улучшение их качества и анализ изображений. Компания имела три филиала; при этом все они находились на Восточном побережье страны.

Первые тридцать лет своего существования компания зарабатывала себе на хлеб с маслом за счет правительственных контрактов, в основном военных, с министерством обороны, космическим агентством и различными разведывательными ведомствами. Лаборатория «Херрингтон» тогда специализировалась на работе с аэрофотоснимками и первыми фотографиями из космоса и анализе изображения. Значительная часть работ была засекречена. Компания нанимала в свои лаборатории большое количество бывших военных специалистов по анализу снимков и фототехников. Высшее звено управления компании поддерживало самые теплые отношения с представителями Пентагона.

В те времена для всякого знавшего о лаборатории «Херрингтон» ее название было почти синонимом федерального правительства. Были люди, среди которых встречались и представители прессы, искренне считавшие, что владельцем компании «Херрингтон» было правительство США, точно так же, как компания «Эр Америка» принадлежала ЦРУ.

В начале семидесятых положение вещей стало меняться. Секреты улучшения качества цифровой фотографии, те, что позволили передавать на землю изображения с других планет в самых ярких красках и с высокой контрастностью, стали подобны открытию огня. Здесь таился потенциал военного применения под самыми строгими грифами секретности. Могущественные силы в правительственных кругах не верили, что когда-нибудь этими секретами поделятся с теми, кто предлагал свои услуги на коммерческой основе. Мысль о том, что через десяток лет значительная часть этих технологий будет выставлена на магазинных прилавках, никак не приходила им в голову. Они были слишком заняты работой по созданию государственных компьютерных лабораторий и других объектов, и все попытки хоть в чем-то ограничить этих людей оказывались тщетны.

В конце концов лаборатория «Херрингтон» была вынуждена предложить свои услуги на свободном рынке корпорациям, представителям крупного бизнеса и тем немногим твердо стоящим на ногах людям, которые могли себе это позволить. К середине девяностых отход компании от Дяди Сэма в частный сектор завершился. Теперь в ее адрес редко поступали заявки от какого-либо из правительственных учреждений. «Херрингтон» процветал, как и прежде, но ориентация компании стала совершенно иной.

Именно поэтому прибывший из Калифорнии заказ заставил многих остолбенеть. Аналитик Орвилл Ханикатт узнал ту манеру, в которой он был выполнен. Такого он не видел уже несколько десятилетий, возможно, с окончания вьетнамской войны. Он знал, что именно по этой причине выполнять задание поручили ему. А еще потому, что от заказа явно не несло дерьмом. Почти три недели он перемещался от одного сотрудника к другому через один из серверов компании; при этом все, кроме Орвилла, дружно его проигнорировали. Корпоративная электронная переписка показала, что от заказа сумели увильнуть четыре аналитика, в один голос утверждавшие, что они перегружены другой работой.

Ханикатт относился к поколению последних динозавров, шестидесятидвухлетний мужчина, бывший специалист по военной фотографии армейской разведки, ставший ненужным военному ведомству и попавший в компанию в конце шестидесятых. Сейчас он уже мысленно

отсчитывал последние дни до увольнения на пенсию. Наверное, короткий оставшийся ему срок работы и стал главной причиной того, что эта дрянь попала именно в его руки.

Постоянно циркулировавший внутри лаборатории ужасающий запах краски доводил до безумия. Маляр работал здесь уже две недели. Все свои работы он старался выполнять вне общих офисов и других общих помещений. Он старался наносить краску по вечерам, но запах держался весь день.

Некоторые из сотрудников стали явно демонстрировать ему свое раздражение, вызванное беспорядком, пластиковой пленкой на полу и занавесками вокруг столов, а также разбросанными повсюду упаковками красителя. Но главной причиной стал все же запах. В нарушение инструкции по безопасности сотрудники даже начали оставлять на ночь окна открытыми для того, чтобы проветрить помещения.

Ханикатт попытался отвлечься от этих мыслей, взявшись за проверку директории счетов заказчика в своем компьютере. Он искал имя Эмерсон Пайк и название его компании «Пайкс пик», которое стояло рядом с подписью и электронным адресом заказчика в электронном письме. Ему было нужно найти номер счета заказчика, для того чтобы подготовить документы на оплату услуг компании, прежде чем приступить к работе. Такового в общем каталоге не оказалось. Значит, Эмерсон Пайк не был постоянным клиентом.

Ханикатт написал ему короткое электронное сообщение, в котором просил зайти на веб-страницу компании и либо заполнить форму, указав в ней номер банковского счета, либо сообщить информацию по кредитной карте, чтобы компания могла подготовить счет за услуги. Работа не будет начата до тех пор, пока не окажется выполнено одно из этих условий.

Но любопытство Ханикатта вызвали некоторые термины, которыми пользовался Эмерсон в своем электронном послании в адрес компании, в которое были вложены цифровые изображения. Эти понятия, касавшиеся технологии улучшения качества снимков, относились к прежним старым временам деятельности компании. Сейчас все эти слова стали анахронизмами, однако в свое время ими широко пользовались, выполняя работу в интересах разведки под высшим грифом секретности. Это заставило Ханикатта задуматься о том, кем же был Эмерсон Пайк. Поэтому, добавив в качестве постскриптума к письму еще две строчки, он запросил, не имел ли тот отношения к военному ведомству или государственному разведывательному учреждению. Если имел, то к какому именно. Такая информация позволила бы ускорить процесс.

Отправив свое сообщение, он вновь щелкнул клавишей, открыв приложенные изображения и отправив их на хранение и последующую обработку с помощью программного обеспечения компании. Теперь он мог одновременно рассматривать на большом плоском мониторе на своем столе все изображения. Здесь было семь фотографий, одну из которых неумело пытались увеличить, о чем, впрочем, заказчик сообщил в своем первом письме. Снимки выглядели совершенно обычными – банальные фото небольшой группы людей где-то на природе.

Фотографии не выглядели так, будто они были сделаны с помощью спрятанной на теле или где-либо еще скрытой камеры. Здесь не было ни слишком больших углов или фиксированной точки, с которой велась съемка. Снимающий явно принадлежал к той же группе людей, и похоже, что и он сам был запечатлен где-то на снимках. Однако при этом люди на фотографиях не позировали и не улыбались в камеру. Казалось, что они не замечали, что их фотографируют. По их жестам, движениям рук, изменениям положения тел, зафиксированным на фотографиях, Ханикатт понял, что все они оживленно беседовали между собой.

В группе было всего шесть человек; при этом только четверо попали в фокус на двух снимках. Все они стояли на открытом участке, а на заднем плане одной из фотографий было видно небольшое строение, очевидно жилой дом. Около дома стояли тяжелый деревянный стол и несколько стульев. Вокруг простирался лес. На двух фото Ханикатт сумел разглядеть на заднем плане широкую долину, а вдалеке – гористую местность.

На четырех снимках присутствовал всего один человек. Это был старик. Ханикатт не мог определить, сколько ему лет, но было ясно, что мужчина пожилой. Тот факт, что в центре каждого из снимков находился именно этот человек, дал Ханикатту понять, что он являлся объектом особого интереса того, кто делал фотографии. Он задал увеличение одного из изображений. Худощавая фигура старика, его тонкие ноги, жилистая шея, утомленное лицо заполнили экран. Ханикатт отрегулировал контрастность, смягчив резкие переходы между светом и тенью. Старик был одет в изношенный комбинезон с обрезанными у колен штанинами. Он выглядел неряшливым и оборванным. Если бы не внимательное выражение глаз, его можно было бы принять за жалкого бродягу. На его лице была недельная щетина, а обут он был в стоптанные кожаные ботинки из тех, что пылятся на армейских складах запасов на случай войны. Похоже, что под ботинками не было носков, а сама обувь выглядела слишком большой и тяжелой для таких хрупких и тонких ног.

Где бы ни были сделаны эти фотографии, в том месте должно было быть достаточно прохладно. Пожилой мужчина до самого горла застегнул молнию поношенной рабочей куртки военного образца. Еще один из изображенных на снимке мужчин кутался в одеяло, как индеец, набросив его себе на плечи. На всех были надеты свитера или куртки. Еще раз взглянув на тот снимок, Ханикатт подумал, что прохладная температура могла быть результатом того, что местность располагалась на большой высоте.

Он задумался о том, зачем кому-то могла взбрести в голову мысль истратить кучу денег на обработку обычных фотоснимков шестерых мужчин в поношенной одежде, собравшихся где-то в диких местах. Улучшение качества и увеличение фото до размеров постера, о чем просил Эмерсон Пайк в своем письме, обойдется ему в несколько тысяч долларов. Ханикатт как раз собирался закрыть компьютер и вернуть изображения на сервер, когда внезапно ему в глаза бросилось кое-что еще. Это было всего несколько букв в солнечных лучах, полустертая надпись на куртке старика. Она была написана кириллицей.

Ханикатт стал внимательно рассматривать лицо пожилого мужчины. Оно было усталым и изношенным, как продубленная кожа, но, взглядевшись, можно было убедиться, что старик прекрасно сохранился. Отсутствие лишнего жира, угловатость делали его почти нордическим. Оставшиеся волосы когда-то были светлыми и могли снова стать такими, если их вымыть. Теперь Ханикатт заметил, что мужчина со снимка резко отличался от своих спутников, которые все как на подбор имели ярко выраженную южную наружность и, скорее всего, являлись выходцами из Латинской Америки, Южной Европы или Ближнего Востока, определить это точно было очень сложно.

Ханикатт наклонился, взялся за мышь и мерцающим прямоугольником отметил на снимке участок с буквами на груди старика. Он запустил программу, увеличивающую это изображение практически до полного размера экрана. При этом разрешение упало настолько, что на участке осталось видным лишь неясное туманное пятно. Освещение было неважным, но теперь оказалось легко разобрать, что буквы действительно написаны кириллицей.

Ханикатт вернул изображение к его первоначальному размеру и стал танцующими движениями водить курсором компьютера в поисках новой цели. Но больше не оказалось ничего достойного внимания. Он выбрал следующий снимок и раскрыл его на мониторе. На этот раз старик располагался примерно на двадцать-двадцать два фута от объектива фотоаппарата и стоял, повернувшись впол оборота; при этом левую руку он поднял как бы в указующем жесте.

Ханикатт нашел то, что искал. Он увеличил изображение нашивки на плече. Ее цвета, как и краски на любом военном обмундировании, были приглушенными. Они затерлись по краям и выцвели от солнца по центру. Нашивка представляла собой изображение венка листьев овальной формы, внутри которого по центру располагался круглый щит. Позади щита перпендикулярно лезвию вверх был изображен меч и две перекрещивающиеся стрелы, пронзающие центр. На второй, меньшей нашивке внизу, стояли цифры «79».

Ханикатт взялся за клавиатуру и распечатал изображение. Потом он развернулся на кресле и внимательным взглядом скользнул по книжному шкафу сзади в поисках старой синей матерчатой папки. Ханикатт надеялся, что не успел выбросить ее во время одного из спонтанных решительных порывов навести порядок в делах перед тем, как уйти на пенсию.

Глава 12

Ликида взял в руки одну из золотых монет, из тех, что коллекционеры называют кругляшками. Это было отчеканенное вручную испанское эскудо. Он подбросил монету в воздух, поймал и постарался прочесть цифры и буквы на реверсе. Из небольшой книги, которую он захватил в доме Пайка в ночь убийства, он знал, что монета была отлита и отштампована в столице Перу Лиме примерно триста лет назад.

Он бросил монету в кипящий тигель, прекрасно понимая, что растворил несколько тысяч долларов, которые она стоила. Риск попасться при торговле краденными монетами был слишком велик. Власти станут искать их даже в самом отдаленном медвежьем углу, поэтому убийца решил, что оставит себе только одну из них, ту, что стоила более чем сто тысяч долларов. Он просто не нашел в себе сил уничтожить это сокровище. Монета лежала на столе отдельно от остальных, которые Ликида продолжал методично бросать в тигель.

Ликида наедине со своим богатством находился в запущенной автомастерской в нескольких милях от городка Сан-Исидро в приграничном штате Тихуана. Это было прикрытие для подпольного бизнеса одного из его знакомых. В этом месте с краденых автомобилей снимали и перепродавали запчасти. Здесь же перебивали и идентификационные номера для машин, предназначенных для отправки какому-нибудь могущественному дельцу в Азии.

За несколько долларов хозяин вручил Ликиде ключи и разрешил ему воспользоваться мастерской в ночное время, когда она не работала.

Ликида стоял у стального кузнечного стола с кислородной горелкой в руке, с помощью которой он нагревал днище небольшого тигля. Лишь иногда он позволял себе воспользоваться ацетиленом для того, чтобы ускорить процесс. Он не хотел случайно разрезать емкость.

Примерно каждые две минуты он бросал в кипящую массу несколько монет. Чуть в стороне на другом столе лежали, остывая, исходящие жаром маленькие сияющие слитки. Убийца смотрел на них восхищенно, как будто это были только что испеченные булочки, которые положили остывать на подоконник. В то же время он начинал понимать справедливость поговорки, что богатство вовсе не обязательно делает человека счастливым. Ликида снова прибавил в горелке ацетилена и попытался осмыслить последнее туманное сообщение, полученное по электронной почте от хозяев с юга. Чуть раньше сегодня он расшифровал его с помощью своего портативного компьютера. Эти сообщения начинали сводить его с ума. Последним пришло еще одно яростно-взволнованное сообщение, где речь шла о новой работе, еще более срочной, чем предыдущая. Конечно, это означало, что он снова получит деньги. Ему давали имя и адрес, а также инструкции о том, что следует сделать после того, как работа будет выполнена. Хозяева нашли что-то в переносном компьютере Пайка, том, что Ликида забрал в ту ночь и почтой отправил на юг в коробке с пластиковым упаковочным наполнителем вместе с фотографиями со стола и фотоаппаратом той женщины.

Ликида проинформировал хозяев, что у него пока не было времени на то, чтобы обезглавить змею. Он просил, чтобы хозяева определились. Они ответили, что змея может подождать, и срочно посылали его в травелосити за билетом на самолет.

Вот уже в который раз Ликида размышлял о том, что убийство женщины, находившейся сейчас в женском отделении тюрьмы, становилось теперь делом, которое можно было возложить лишь на женские плечи. И если ты мужчина, которому однажды уже представлялась возможность выполнить эту работу, то теперь тебе следует встать в конец очереди и ждать.

Если бы та женщина находилась в мужском отделении тюрьмы, ее можно было бы убить хоть четырежды. Один звонок по номеру в Тихуане до девяти часов утра – и еще до полудня она свела бы все счета с жизнью.

Но с женскими тюрьмами все обстояло иначе. В этом случае ему пришлось бы напрямую связаться с неким ангелом смерти, специализирующимся на самоубийствах, и все организовать. И Ликиде это совсем не нравилось. Одно дело убивать людей, чтобы выжить самому, и совсем другое – напрямую обращаться с инструкциями к какому-то идиоту внутри тюрьмы, особенно к женщине.

Если она переживала серьезные времена, она могла подвести Ликиду и сдать его всего лишь за небольшое послабление в режиме содержания. А если она попытается задушить змею и оторвать ей голову, то придется подробно обсудить план действий с ним. Ликида никогда не опускался ниже определенного уровня, как бы грязны ни были его руки. Это было против его религиозных убеждений.

Нет, придется сделать это за пределами тюрьмы, где-то на пути в здание суда.

К счастью, в округе Сан-Диего была всего лишь одна тюрьма, где содержались женщины, и она располагалась почти в двадцати милях от здания суда. Та женщина могла бы умереть от старости, прежде чем доберется туда на шерифском автобусе, разве что этот автобус по пути столкнется с поездом или с космическим кораблем.

Ликида уже жалел, что в ту ночь отвлекся на то, чтобы помыть нож. Если бы он бросился к ней по лестнице сразу же, как увидел, женщина сейчас находилась бы в приятной компании своих предков. А он, вместо того чтобы потеть над расшифровкой электронной почты и названивать в авиакомпанию, сидел бы с калькулятором и весами, пытаясь предугадать очередной скачок цен на золото.

Вдруг Ликида что-то вспомнил. Он прошел пару шагов к своей куртке, которая висела на вбитом в стену гвозде, сунул руку во внутренний карман и достал оттуда сложенный лист бумаги. Указательным и большим пальцами правой руки он тер сложенные листки бумаги до тех пор, пока не открыл их. Он посмотрел на бумагу, медленно взвешивая все возможные варианты, которыми мог бы воспользоваться в будущем, и возможности обернуть содержание написанного в свою пользу. Но ничего придумать так и не удалось.

Он взял листок за край, поднес к нему горелку и держал так, пока он не сгорел полностью, вплоть до шапки бланка. Пламя почти достигло кончиков его пальцев, когда он бросил бумагу. Кучка тлеющей золы, от которой поднимались вверх тонкие крупинки горячего пепла, поглотила последние следы послания Кати Эмерсону Пайку. Ликида наблюдал за тем, как последние из них остывали и падали облачками пыли на холодный бетонный пол.

Глава 13

– Вы сказали, что ваша первая встреча с Пайком была не случайной. Вы считаете, что он вас разыскивал. Почему?

Этим утром я приехал в Лас-Колинас в Санти, в женскую тюрьму округа, чтобы снова встретиться с Катей.

– У меня было такое ощущение, – ответила она.

Катя сидела за столом в небольшой комнатке для встреч, запустив руки в волосы, которые сейчас выглядели запутанными и свисали прядями. Тюремное мыло и дешевый шампунь отняли весь их волшебный глянец. Катя говорила, что некоторые женщины-заключенные вызывают у нее опасения. Латинская Америка здесь представлена в основном выходцами из Мексики. Некоторые из этих женщин знакомы друг с другом много лет, еще со времен, когда входили в одни и те же уличные банды. Особое беспокойство Кати вызывает одна из них, зловещая мексиканка со шрамом на лице, которая дружит с ее сокамерницей. Эти две подруги постоянно донимают Катю. Молодость и привлекательность девушки, ее принадлежность к иной культурной среде и попытки дистанцироваться от остальных, как это обычно бывает, сделали Катю объектом нападок и зависти.

Я спросил, не угрожает ли ей кто-либо из сока мерниц.

– Немного, – ответила девушка.

Я попытался объяснить ей, как это бывает, когда заключенные в тюрьме начинают заклеивать тех, кто сидит вместе с ними.

– Не знаю, что делать. Я боюсь.

– Я подумаю, что можно будет предпринять. Попытаюсь поговорить с кем-нибудь в управлении шерифа по делам заключенных.

Все это следует делать осторожно, не упуская из виду того, что происходит внутри тюрьмы. Иначе неправильная попытка вмешательства может еще больше ухудшить жизнь девушки.

– Но сейчас давайте вернемся к тому, как вы познакомились с Эмерсоном Пайком. Это ведь было в Коста-Рике?

– Я направлялась на учебу. Я учусь в университете в Сан-Хосе. Кроме того, немного подрабатываю моделью, чтобы иметь дополнительный заработок. Рекламирую в основном одежду и косметику. Мои фотографии, целый набор, вместе с моим именем можно найти на веб-странице модельного агентства. Эмерсон позвонил в агентство. Там он сказал, что хочет нанять меня, чтобы сделать фотосессию. По его словам, он намеревался создать дополнительную рекламу своей компании, занимающейся монетами, в нашей стране.

– Вы выполнили эту работу?

– Да, конечно. Он обещал заплатить за нее много денег, поэтому я охотно согласилась. Мои рекламные фото должны были появиться в газетах и журналах. Но я помню, что еще тогда мне все это показалось несколько странным.

– Что именно?

– Эмерсон понятия не имел, что именно ему было нужно, поэтому подбором фото занималось агентство. Они хотели фотографировать меня в бикини с кучкой золотых монет в каждой руке. Я тогда подумала, что это довольно странный способ привлечь инвесторов. Но Эмерсон не возражал, а кто я была такая, кого интересовало мое мнение? – горячо воскликнула Катя. – Но вообще-то это был первый знак. Я должна была понять.

– Понять что?

– Некоторые мужчины... – Катя замаялась. – Иногда они приходят в модельные агентства. И это в основном американцы... – Она внимательно посмотрела на меня. – Извините.

– Ничего, все в порядке, продолжайте.

– Они... они нанимают моделей, просмотров вебсайт. И платят за фотографии, которые им совсем не нужны: им нужно просто познакомиться с женщиной.

– Пайк нигде не воспользовался теми снимками?

– Нигде. И он никогда не использовал рекламу, связанную с пребыванием в Коста-Рике. Я не думала об этом до последнего времени. Он казался мне таким милым. Он пригласил меня на ужин. С ним было весело, он отлично умел развлекать.

Я спросил, что она имеет в виду.

– Лучшие рестораны и ночные клубы. Это продолжалось несколько недель. Я лучше узнала его, по крайней мере, мне так тогда казалось.

Кате было хорошо с этим человеком. Она познакомила его со своими друзьями и двоюродной сестрой, как раз приехавшей из Лимона, – словом, со всеми, кроме матери, которая тогда уехала в Колумбию навестить родственников.

– Ваша мать знает о вашем аресте?

– У меня не было возможности поговорить с ней. Ваш друг Гарри... ведь так его зовут?

– Так.

– Гарри собирался позвонить по телефону кому-нибудь из моих подруг и попросить написать домой моей матери. Он пробовал позвонить по мобильному телефону мамы, но никто не отвечал. Обычно она оставляет телефон выключенным, когда едет в Колумбию. Думаю, что она еще не вернулась.

– Да, Гарри говорил то же самое.

– Она захочет узнать, что происходит.

– Итак, вы думаете, что Пайк выбрал вас, потому что ему понравились ваши фотографии на сайте модельного агентства?

– Да, сначала я так и подумала. Но потом поняла, что все было по-другому. После того как познакомился с моими родственниками, он стал постоянно задавать вопросы. В первую очередь его интересовало, где моя мать.

– Но почему?

– Я не знаю. Это выглядело так, будто он хочет познакомиться с ней. Я сказала ему, что она сейчас в Колумбии. А он расспрашивал, что она там делает. Я сказала, что поехала в гости к родственникам. Его очень это заинтересовало.

– Он не говорил почему?

– Нет. Все, что он хотел знать, – это кем были мои родственники в Колумбии. Странно, не так ли?

– Пожалуй. Продолжайте.

– Я сказала ему, что не знаю их. И это действительно так. Это родственники моей мамы, но я никогда не видела их. Она упоминала о них иногда, но говорила мне, что они очень дальние и вряд ли они мне понравятся.

– А она не объясняла, почему они не должны были вам понравиться?

– Нет, никогда.

– А вы никогда ее не спрашивали об этом?

– Я полагала, что идет речь о каких-то проблемах.

– О проблемах с законом, хотите сказать?

– Это возможно, полагаю. Моя мать никогда не уточняла.

– Но вы так думаете?

– Я не знаю. Один из них очень стар, по крайней мере, так следует из ее слов. И она ездит туда, в основном чтобы позаботиться о нем.

– Так ваша мать родом из Колумбии?

– Нет, она родилась в Коста-Рике, как и я.

– А ваш отец?

– Его нет. Он умер, когда я была еще ребенком. Он тоже уроженец Коста-Рики.

– А как родственники вашей матери попали в Колумбию?

– Я не знаю. Как я уже сказала, она ничего мне об этом не говорила.

– Но Эмерсон продолжал расспрашивать вас об этом?

– Да, постоянно. В один из вечеров мы говорили об этом, и я вспомнила, что в моем фотоаппарате осталось несколько снимков моей мамы, тех, что она привезла с собой из последней поездки несколько месяцев назад. Он пришел в страшное возбуждение, настолько его это заинтересовало.

– Пайк?

– Да. Я еще подумала, что это забавно, и посмеялась над ним. Он захотел посмотреть на снимки. Но я сказала, что уже поздно. Мы как раз вышли из кино. Он заспорил – хотел посмотреть фото прямо сейчас. Тогда я взяла фотоаппарат и показала ему снимки.

– А что было дальше?

– Он все время спрашивал меня, кто запечатлен на фотографиях. Я сказала, что не знаю, кто эти люди. Наверное, это родственники моей матери. Она взяла у меня на время мой фотоаппарат. Она никогда не говорила, что на нем были снимки. Я сама нашла их, когда снова стала пользоваться им. Но ведь это, наверное, и были ее родственники? Кто же еще мог быть на тех снимках?

– А что делал Пайк после этого?

– Через несколько дней он сказал, что собирается вернуться в США и хотел бы взять меня с собой в гости. Он пригласил меня пожить в его доме в Сан-Диего.

– А вы хотели поехать с ним?

– Да, конечно. Почему бы нет? Но я сказала ему, что не могу сделать этого, так как у меня нет американской визы. Пайк сказал, что это не проблема. И, как я уже говорила, сделал для меня визу.

– Гарри занимается этим. Он пытается выяснить, как Пайку удалось получить визу так быстро, – сказал я.

– Да, но была и другая проблема. Эмерсон, должно быть, тогда очень торопился.

– Как это?

– Ну, он настоял на том, что сам заполнит за меня анкету для получения визы. Он сказал, что мне надо просто поставить свою подпись, а все остальное он заполнит сам, потому что так будет быстрее. Мне это не понравилось. Почему, интересно, он считал себя сообразительнее, чем я?

– И что произошло дальше?

– Я отдала ему свой паспорт, потому что нужно было списать оттуда информацию в анкету, но он неправильно записал мое имя, я тогда не заметила этого. Он просто заставил меня расписаться на бланке. Я хотела посмотреть, что Эмерсон написал, но он сказал, что очень торопится. Ему нужно было куда-то ехать, и он забрал бланк с собой. Он вернулся с визой, и мое имя было написано неправильно.

– Подождите, подождите... Вы хотите сказать, что не ездили вместе с ним в американское консульство и не присутствовали при рассмотрении вашего заявления?

– Так и было. Эмерсон сказал мне, что это не обязательно, он сам может обо всем позаботиться. Забрал мой паспорт с заявлением, и потом, как я говорила, в нем появилась виза.

– Но в ней было неправильно указано ваше имя. Он что, неточно его записал?

– Нет, он просто не дописал последнюю часть моей фамилии – Нитин. Я всегда пишу свое имя полностью: Катя Солаз-Никитин. Солаз – это фамилия моего отца, а фамилия моей матери – Никитин. Так было записано у меня в паспорте. И Эмерсон знал, что я всегда пишу фамилию полностью. Так мое имя было записано на сайте модельного агентства. Я тогда рассердилась,

потому что, если бы он дал мне заполнить заявление самой, я все сделала бы правильно. Но он решил поступить по-своему. Он всегда во все вмешивался, даже если это не имело к нему никакого отношения.

– Просто чудачество, стремление все контролировать, – сказал я.

– Вот именно. – Она щелкнула пальцами.

– Но в конце концов, имя на анкете – это не проблема. Ведь вы благополучно въехали в страну?

– Лучше бы я сюда не попадала. – Катя посмотрела на унылую обстановку вокруг: бетонный пол, выцветшие стены в небольшой комнатке, где мы сидели под охраной помощницы шерифа, которая ждала за дверью.

– А что произошло между вами и Пайком потом?

– Когда мы приехали в его дом, все изменилось, – сказала девушка.

– Как изменилось?

– Эмерсон стал другим. Нервным, будто он все это время стерег меня. Я уже говорила вам о деньгах, о том, как он отобрал их у меня. Он обещал, что мы будем путешествовать, чтобы я смогла больше увидеть, но этого так и не произошло. Он продолжал покупать мне одежду, водить меня в клубы, но я бы не сказала, что это доставляло ему удовольствие. Он делал это, чтобы усмирить меня, чтобы я не просила его отвезти меня назад, в Коста-Рику. Затем я обнаружила, что, прежде чем приехать со мной сюда, он скопировал снимки из моего фотоаппарата в свой компьютер, ничего не сказав мне об этом. Эмерсон достал его из сумки, где тот всегда лежал, и не вернул на место. Поэтому позже я не смогла найти его в сумке.

– А где сейчас этот фотоаппарат?

– В доме моей матери в Коста-Рике.

– А те снимки из Колумбии, они все еще там?

– Да, насколько я могу знать. Я спросила его об этом.

– Пайка?

– Да. Я спросила у него, не удалил ли он снимки из фотоаппарата, когда копировал их к себе в компьютер, не спросив меня об этом.

– И что он ответил? Он не удалял те снимки?

– Он сказал, что нет, что все снимки на месте.

– И вы поверили ему?

– Я не знаю, – пожала она плечами.

– Есть в доме вашей матери телефон? Можем ли мы каким-то образом позвонить туда?

– Нет, у нее есть мобильный телефон, но она отключает его, когда уезжает в Колумбию.

Я дал Кате ручку и лист бумаги, на котором она написала адрес дома своей матери. Фактически это было описание маршрута к ее дому.

– У вас есть в Коста-Рике кто-нибудь из друзей или родственников, кто мог бы забрать фотоаппарат из дома и отправить его нам?

Она ненадолго задумалась, потом кивнула:

– Наверное, Лоренцо.

– А кто такой Лоренцо?

– Лоренцо Гоудас. Это друг нашей семьи. Но у него нет ключей от дома матери. И еще он, наверное, рассердится, когда узнает, что со мной произошло. Я представила ему Эмерсона в Сан-Хосе, и он не понравился Лоренцо. Лоренцо просил меня не доверять Пайку.

– Он не объяснил почему?

– Сказал, что Пайк слишком назойлив, что он задает слишком много вопросов. Просил меня быть осторожной. Надо было слушать его.

Я записал имя и номер телефона этого человека, чтобы внести в краткий список контактов в Коста-Рике для Гарри. Я надеялся, что, может быть, этот Лоренцо сумеет связаться с матерью Кати.

– Вы сказали, что в Коста-Рике у Пайка был с собой компьютер, которым он воспользовался, чтобы скопировать те фотографии?

– Да, переносной.

– Полагаю, что, направляясь домой, в США, он не забыл захватить его с собой.

– Нет, конечно. Иначе как бы он распечатал снимки в своей студии? Те, что полиция изъяла из моей сумки.

Компьютер на месте преступления – это лучший друг полицейского. Именно эту вещь они стараются сразу же оттуда забрать. Но в нашем случае именно эта вещь исчезла.

– Вы не знаете, что случилось с компьютером?

– Что вы имеете в виду?

– Компьютер Пайка пропал. Полиция не нашла его в доме.

– Он стоял на столе в студии. Пайк держал его именно там. Он был там, когда я покидала дом в ту ночь.

– Вы в этом уверены?

– Уверена. Я видела его, когда оставляла на столе записку.

В одном из отчетов с места преступления говорилось, что для ведения бизнеса Пайк имел собственную веб-страницу. И беспроводная антенна для входа в Интернет, и принтер – все в студии оказалось на месте. Но компьютера не было.

В обычном случае это стало бы проблемой для этих ограниченных идиотов. Почти всегда ответ на то, что произошло в доме, можно было найти в компьютере – в электронной переписке или в адресах, которыми люди чаще всего пользуются в Интернете. Все это оставляет следы. Но сейчас, похоже, полицейских совсем не беспокоили эти вещи, возможно, потому, что у них была Катя и, как им казалось, целая гора улик против нее. Но обнаружить у Кати компьютер Пайка, как и исчезнувший тайник с монетами, полиция так и не смогла. И они никак не могли объяснить это исчезновение. Все те же мелкие вопросы, на которые нет ответов.

Как считала Катя, все сводилось к фотографиям.

Я спросил ее о матери, о том, не было ли у нее проблем с законом.

– Я знаю, о чем вы подумали, – нахмурилась Катя, – о том, что если моя мать ездит в Колумбию, то она каким-то образом связана с наркотиками.

По тому, как мучительно она выдохнула эту фразу, было видно, что тот же вопрос не дает покоя и ей самой.

– Нет, это не так. У нее никогда не было проблем подобного рода, и она никогда не стала бы заниматься этим. В противном случае я бы знала. Никто из моей семьи никогда не имел дела с наркотиками. Можете проверять, но вы ничего такого не найдете. Кроме того, я не думаю, что Эмерсон искал нечто связанное с наркотиками. Здесь что-то другое.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю. Я просто чувствую. Он искал что-то или ко-то, имеющего отношение к этим фотографиям. Вам нужно поговорить с моей мамой. Возможно, она все объяснит.

– Но как мне с ней связаться? У вас есть номер ее телефона в Колумбии?

Катя покачала головой:

– Я даже не знаю, где она остановилась. Обычно она звонит домой примерно раз в неделю.

– Откуда именно она звонит?

– Из Медельина.

Глава 14

В течение трех дней после того, как обнаружил и идентифицировал нарукавный знак, Орвилл Ханикатт колебался, стоит ли ему приступить к выполнению задания, полученного от Пайка. Он попусту потратил целый день, взяв выходной. У него накопилось больше месяца неиспользованного отпуска, который никто не оплатит ему при выходе на пенсию.

Для того чтобы разобраться с тем, что именно было на снимках Пайка, ему нужно было попасть в лабораторию в подвальном помещении, когда там никого не будет.

Такая возможность могла представиться только ночью. На нижнем этаже работал маляр. И никто не собирался дышать теми ароматами, которыми сопровождалась его работа.

Было уже далеко после полудня, примерно половина пятого. Он снова вошел в Сеть, чтобы проверить, не ответил ли Пайк на его письмо по поводу способа оплаты работы. Ответа не было. Ханикатт мог бы отправить клиенту еще одно напоминание и, если ответа не будет и на этот раз, просто закрыть вопрос. Но он не хотел этого.

Он задумался на минуту, а потом достал фотоснимок. Набрал номер сотового телефона, зарегистрированного на другом берегу реки, в округе Колумбия.

Ему ответил Фредди-младший.

– У тебя найдется для меня минута? – спросил Орвилл.

Младший сразу же узнал его голос. Десятки лет назад, когда оба были юными и глупыми, Фредди и Орвилл вместе трудились в военной разведке. Обычно они вместе пьянствовали, пока Фредди не женился и не завел детей, а Орвилл не постарел. Они делали одинаковую работу, и это сблизило их и помогло поддерживать отношения все эти годы. Только теперь пенсия Фредди была гораздо выше, чем у Орвилла. Он работал в судебной фотолаборатории ФБР.

– Что произошло? – спросил Фредди.

– Я хотел бы кое-что тебе показать.

– Валяй. – Фредди слушал его, но как-то очень рассеянно.

Орвилл рассказал ему об Эмерсоне Пайке и его фотографиях, о старике в военной робе и о нашивке семьдесят девятого полка, а также то, что Ханикатту удалось разузнать об этой части. Информации было совсем немного, всего несколько строк на одной из страниц старой матерчатой папки. Содержимое папки периодически обновлялось разведывательными службами США. Все это было еще до того, как наступил век компьютеров и цифровых технологий. Новая информация приходила время от времени обычной почтой.

Разведка, в особенности военная, всегда стремится быть в курсе перемещений войск других государств – номера частей и подразделений, места их постоянной дислокации. Материалы в папке Орвилла вот уже несколько десятков лет как устарели. Наверное, только поэтому ему удалось найти то, что он искал – изображение нарукавного знака, идентичного тому, что Ханикатт заметил на рабочей куртке, в которую был одет пожилой мужчина.

– Ты сейчас у компьютера? – спросил Орвилл.

– Да.

– Я отправляю тебе почту. Письмо пустое, но ты проверь два приложения.

Ханикатт отправил приятелю копию увеличенного изображения нарукавного шеврона и тот участок снимка, где была видна надпись над нагрудным карманом старой рабочей куртки военного образца буквами кириллицы. Из них можно было прочесть только две первые буквы: «Н» и «И».

– Письмо ушло, ты получишь его через минуту. – Орвилл с помощью компьютерной поисковой системы нашел русский алфавит и сумел прочесть первые две буквы надписи на английском языке – NI.

– Почему ты считаешь, что это важно? – спросил Фредди.

Орвилл пояснил, что, судя по данным разведсводки из старой папки, в начале шестидесятых годов русские провели реорганизацию своих ракетных бригад. Семьдесят девятая часть была одной из тех немногих, что просуществовали еще несколько лет. Она прекратила свое существование после следующей реорганизации, где-то между шестьдесят третьим и шестьдесят четвертым годами.

– Ну, значит, к кому-то попала русская армейская куртка старого образца, – предположил Фредди.

Голос его звучал равнодушно до тех пор, пока Орвилл не сказал ему, где именно за границей была расквартирована искомая часть. После этого повисло долгое молчание.

– Сколько, говоришь, лет этим снимкам? – спросил наконец Фредди.

– Я ничего такого не говорил, – отрезал Орвилл, – но мне в голову пришла та же мысль. Я подумал, что, возможно, кто-то отсканировал несколько старых фото. Но это не так. Все эти фото были сделаны четыре месяца назад, в один и тот же день, – продолжал Ханикатт. – Человек, отправивший их мне, прислал оригинальные копии в цифровом формате.

– А как, ты сказал, звали того парня?

– Эмерсон Пайк. – Ханикатт глубоко вздохнул и перешел к тому, ради чего и затеял весь этот разговор: – Ты не мог бы помочь мне?

– А как?

– Запиши имя – Эмерсон Пайк.

– Полагаю, что слово «Пайк» пишется так же, как и произносится?

– Точно. У меня, конечно, нет даты его рождения или номера страховки. Судя по информации, которая содержалась в его письме, и манере изложения, он скорее уже в годах. Он проживает в Калифорнии, и, если судить по электронной подписи на его сообщении, город называется Дель-Мар. Уверен, что, имея под рукой адрес и имя, ты сможешь вычислить номер его водительского удостоверения, где, конечно, имеется дата рождения. А располагая всей этой информацией, ты мог бы внимательно проверить этого человека. Мне это нужно.

– Что?

Орвилл переступил некую черту, и знал об этом. За несанкционированную подробную проверку информации о человеке с использованием базы данных министерства юстиции Фредди мог бы оказаться перед лицом больших неприятностей. И остаться без пенсии, даже не начав получать ее.

– Если ты не можешь сделать этого, просто скажи «нет».

– Нет, – отозвался Фредди.

– Послушай, сделай мне еще одно одолжение. Просто подумай, прежде чем говорить «нет».

– Я уже сказал «нет» и уже подумал об этом. Если я суну нос в базу данных ФБР, где приводится личная информация, такая как данные водительского удостоверения, и разглашу их без разрешения, ты знаешь, что тогда может произойти?

– Не имел случая убедиться, – ответил Орвилл.

– Они просто вышвырнут меня, а потом арестуют. И мне придется провести следующие полтора года в попытках объяснить федеральному судье, что я просто пытался сделать маленькое одолжение другу. Ну уж нет, спасибо. И знаешь, ты бы поостерегся даже просить меня об этом.

– Именно поэтому я звоню тебе на сотовый номер, – сказал Орвилл.

– Скажи мне, что ты пытаешься отыскать? По-твоему, у этого парня криминальное прошлое?

– Нет, полагаю, что тебе придется столкнуться с большими пробелами в его биографии, значительными периодами его жизни, куда ты просто не получишь доступа. Возможно, тебе попадутся файлы без права их просмотра.

– Так ты думаешь, что этот человек – привидение?

– Это призрак на пенсии, – пояснил Орвилл.

– Тогда тем более этот чертов ответ будет «нет», – заявил Фредди.

– Послушай, что я тебе скажу. Существуют хорошие шансы, что мне удастся вытянуть из тех фото больше данных. Я занимаюсь этим.

– Как все это попало к тебе?

– Почтой. Он отправил снимки электронной почтой. Я не знаю, сам ли он делал эти фотографии или кто-то другой. Но что бы я ни раскопал, обязательно поделюсь с тобой, если ты мне поможешь. Возможно, здесь нет ничего такого, что заинтересовало бы ребят из твоей организации.

– Но если там нет ничего интересного, а я проведу полную проверку этого парня и кто-нибудь об этом узнает, что тогда? Даже если что-то обнаружится, ты думаешь, я смогу пойти к ним и просто сказать, что добыл для них интересную информацию? НЕТ.

– Спасибо, – сказал Орвилл.

– Всегда к твоим услугам.

– Послушай, если ты передумаешь и найдешь что-нибудь по этому парню, позвони мне. Я расскажу тебе, что еще мне удалось узнать.

– Давай где-нибудь выпьем, – предложил Фредди.

– Заметано. Ты только подумай. Это все, о чем я тебя прошу.

– Ты сумасшедший. Ну, будь здоров.

Ханикатт какое-то время слушал мертвую тишину в трубке. Потом он отключился и посмотрел на часы. Еще несколько минут – и сотрудники лаборатории внизу отправятся по домам до следующего дня.

* * *

Из-за запаха краски работать было невыносимо трудно. Но такова была цена, которую Ханикатту пришлось заплатить за то, что он решил поработать в фотолаборатории во внеурочное время. Маляр все еще был там.

В тот вечер он докрашивал небольшие комнатки офиса и рабочие помещения в подвале. Он был на рабочем месте с пяти часов, и если продолжит работать по обычному расписанию, то будет махать кистью до полуночи, потом уберет за собой, чтобы завтра вечером явиться сюда снова.

Сейчас, в лаборатории, Ханикатт мог взглянуть на присланные Пайком фотографии на специальном большом экране высокого разрешения. Фигурки людей на снимках достигли почти половины своей настоящей величины. Всего у него было семь отдельных цифровых изображений, шесть из которых были сделаны в один день четыре месяца назад. Единственным исключением была фотография, которую клиент пытался увеличить. Изображение было так сильно искажено, что это не имело смысла. По данным на цифровом снимке он не мог определить, когда фото пытались увеличить, но его открывали и редактировали за два дня до того, как пришло письмо от Пайка. Наверное, тогда Пайк понял, что у него не получится улучшить изображение, оставил эту затею и решил доверить обработку фотографий профессионалам.

Ханикатт знал из письма Пайка, что оригинал фото, часть которого пытались увеличить, находится среди других снимков. Но он не знал, какой именно из снимков послужил таким оригиналом. Придется потрудиться над каждым из шести фото.

Возможно, Пайк считал, что в лаборатории смогут поработать с неудачным увеличенным изображением, которое останется просто очистить. Но Ханикатт предпочитал работать с оригинальным изображением, а не с испорченной увеличенной копией Пайка. В этом случае он сможет воспользоваться специальными программами лаборатории, позволяющими максимально повысить качество снимка и добиться оптимального изображения. Хуже было то, что в увеличенном изображении, полученном от Пайка, отсутствовали ссылки на первоначальный файл, которые позволили бы быстро обнаружить его. Для Ханикатта снимок, часть которого Пайк увеличил, был не более чем белым смазанным пятном с несколькими темными линиями на нем. Ничто не могло помочь ему разгадать, какой же из снимков был предметом творчества Пайка. А без этого обнаружить его и найти на нем небольшой участок, который представлял для Пайка особый интерес, можно было только потратив массу времени. Это было все равно что искать один из кусочков головоломки в шести коробках, где они хранились.

Он посмотрел на цвета, на очертания белых пятен в увеличенном изображении и попытался представить себе, насколько мал был на цифровом фото тот участок, который старались увеличить.

На одной из фотографий там, где с краю располагался широкий камень-валун, лежал кусок белой материи. Это не то.

Один из людей на фото держал в руке кусок бумаги. Он был запечатлен на четырех снимках; при этом мужчина держал бумагу в разных положениях, тень и свет тоже падали на него по-разному. Ханикатт смог исключить два снимка после того, как внимательно рассмотрел их. Затем он использовал программу улучшения изображения и исключил еще два фото. Когда же, наконец, Ханикатт нашел то, что искал, он разобрался с происходящим на тех фотографиях, догадался о причинах бурной жестикуляции. Скрытый контекст заключался в предмете, который обсуждали люди на снимке, а закрывшийся затвор фотоаппарата удержал вытянутый палец мужчины от того, чтобы тот попал в нужную точку.

Люди на фотографиях не просто беседовали. Они яростно спорили. И если Ханикатт правильно догадался, речь шла о белом квадратном листке, закрепленном на доске около дома на некотором расстоянии от них. Именно этот документ пытался прочитать Пайк.

Ханикатт стал работать так быстро, как только мог. Увеличить разрешение и удалить блики было просто. А вот для того, чтобы добиться нужной резкости, требовалось использовать компьютерные программы. Когда изображение наконец стало четким, Ханикатт ясно увидел, что там была не одна, а несколько, может быть, десятков страниц. А то и все двадцать, он не мог сказать точно. Листы были большие, принимая во внимание размер доски, на которую они крепились. По прикидкам Ханикатта, они были около трех футов высотой и почти столько же шириной. Белое пятно на фотографии-оригинале выглядело гораздо меньшим, потому что фото было сделано под углом; при этом лист бумаги лежал на столе.

После того как улучшил качество изображений и увеличил их, Ханикатт видел, что все страницы документа были скреплены между собой в верхнем углу чем-то похожим на ленту. Угол, под которым был сделан снимок, не позволял прочитать текст на странице; были видны только строчки с прямыми и кривыми значками на них, как будто по поверхности бумаги скользили какие-то тени. В верхней части страницы находился хорошо видимый подробный чертеж.

С помощью специальной программы можно было попытаться воссоздать изображение на фотоснимке под меньшим и даже под прямым углом, как будто страница парит над столом и смотрит прямо на камеру. Проблемой было то, что точность и надежность сгенерированного компьютером «истинного изображения» с учетом всех параметров снимка-оригинала были бы далеко не идеальными. Параметры программы позволяли заново воссоздать портрет Моны Лизы, но для этого им требовалась определенная информации с оригинала. Если бы данных для того, чтобы совершить чудо и заполнить недостающие детали изображения,

оказалось недостаточно, Ханикатт получил бы некую картину с огромными пустыми полями, испещренными точками. Но он зашел слишком далеко, чтобы остановиться на полпути. Он снова посмотрел на часы. Было уже начало девятого.

Ему пришлось потратить примерно сорок минут на то, чтобы настроить параметры программы, зато теперь у него появилось нечто пригодное для работы. Программа превратила изображение в заполненный рядами цифр экран. Ханикатт послал команду на широкоформатный принтер, установленный в другом помещении, откинулся на стуле, снял очки и прикрыл глаза. Он начинал злиться: было уже поздно, и пора отправляться домой.

Прошла почти минута, прежде чем за стеной заурчал мотор принтера. Ханикатт поднялся со стула и отправился через холл в соседнюю комнату. Не успел он включить свет, как наконец-то острого как бритва стилета изо всей силы вонзился ему прямо в центральную часть желудка, на два дюйма ниже твердой грудинной кости. Восьмидюймовое лезвие прошло через диафрагму, его острие проникло глубоко в нижнюю секцию сердца.

Ликида придержал тело не более четырех-пяти секунд, пока колени Ханикатта не подкосились и тот не рухнул в конвульсиях на специально подстеленный кусок ткани. Держась за живот, Орвилл пытался удержаться на коленях, но Ликида ударом ноги опрокинул его на бок.

– Я уже подумал, ты никогда не отправишься в этот зал за распечаткой. Думал даже, что придется за тобой побегать. – Разговаривая с жертвой, Ликида одновременно подвинул тело на край и потянул вверх два угла подстеленной материи, готовясь завязать их узлом.

Веки Ханикатта дрожали. Он лежал на полу, его зрачки следили за всеми перемещениями убийцы, пока тот ходил вокруг. Кровь толчками била из желудка и пульсирующей аркой падала на ткань. Ханикатт пытался остановить ее руками, но ему это не удавалось. Это продолжалось примерно полминуты или даже меньше, пока Ликида, наконец, не закрепил ткань так, чтобы она впитывала всю кровь. Затем, последний раз брызнув фонтанчиком, кровотечение прекратилось. Когда Ликида посмотрел на тело Орвилла, глаза того остекленели, веки остались полуоткрытыми.

Ликида прибыл сюда в три часа пополудни. Он сразу же отправился к главной стойке лаборатории «Херрингтон» с конвертом, на котором было написано имя «Орвилл Ханикатт». Эти данные он получил от своих нанимателей в Колумбии, а те, очевидно, сняли эту информацию с электронного почтового ящика в компьютере Эмерсона Пайка. На конверте было написано: «Срочно. В собственные руки. Конфиденциально». Внутри был чистый лист бумаги. Затем Ликида вышел из офиса и сел в арендованную машину, припаркованную поблизости. Через полевой бинокль он наблюдал, как Ханикатта вызвали и как он направился к стойке, чтобы забрать конверт. Он имел возможность внимательно рассмотреть его и тогда, и во второй раз, когда тот вернулся и стал что-то сердито выговаривать служащему за стойкой, который указывал на дверь и пожимал плечами.

В конце дня Ликида ждал, когда Ханикатт выйдет из офиса. Когда этого не произошло, мексиканец-убийца понял, что тот задержался после рабочего дня. Позаимствовав из микроавтобуса маляра забрызганный краской комбинезон, он нейтрализовал самого маляра, работавшего в одном из помещений внизу. Было чуть больше семи часов. Он завернул убитого в пластиковую материю и на обнаруженной в подвале тележке для мусора откатил сверток с телом к микроавтобусу. Парковка перед лабораторией к тому времени практически опустела. Никто не обратил ни малейшего внимания на то, как человек в комбинезоне загрузил в автобус через заднюю дверь объемистый пластиковый сверток и заблокировал двери. Уметь использовать подручные средства было частью его профессии.

Он упаковал Ханикатта так же, как перед этим упаковал маляра. Для того чтобы быть уверенным, что ни капли крови не пролилось на пол, он взял еще два куска пластикового материала, а затем тщательно перевязал тюк веревкой.

Последнее, о чем следовало позаботиться, был компьютер убитого. Почти весь большой экран был покрыт какими-то цифрами, но кое-где попадались небольшие участки с изображением. Клиент оставил после себя именно то, что искал Ликида. Разве что за одним исключением: было не шесть фотографий, как сообщил ему наниматель, а семь. На секунду убийца задумался над этим, а потом снова посмотрел на лишнее изображение на экране. Он так и не понял, что оно собой представляло. Не проблема, ему не трудно будет уничтожить еще один файл.

Операционная система отличалась от той, которой пользовался убийца в своем компьютере. На всякий случай он записал название файла для того, чтобы, даже если сделает что-то неправильно и все изображения исчезнут с экрана, все равно смог бы вернуть их. Специальная программа была несколько сложнее, но он быстро научился находить путь к нужным файлам. Через пару минут он уничтожил все, в том числе и первое письмо от Эмерсона Пайка, и запрос данных на оплату, посланный в ответ Ханикаттом. Если на сервере было что-то еще, то для того, чтобы обнаружить эту информацию, потребовался бы специалист в области компьютеров.

Его заказчики там, далеко на юге, считали, что, поскольку никаких следов преступления в офисе не обнаружат, а тела жертв просто исчезнут, к тому времени, когда власти озаботятся пропажей этих лиц, это уже не будет иметь значения. Они просто пытались выиграть время. Это заставило Ликиду слегка насторожиться.

Ведь что бы они ни делали, им все равно не удастся тянуть время бесконечно долго.

Он собирался избавиться от тел вместе с микроавтобусом, подогнав его к заранее выбранному на карте озеру. Но прежде предстояло сделать всего одну вещь. Он вернулся в комнату, где стоял широкоформатный принтер, взял распечатанный лист и, положив его на стол, посмотрел на изображение.

Ликида склонился над столом, его глаза быстро пробежали по распечатке. Там был изображен чертеж какого-то устройства, что-то похожее на внутренности стиральных машин, скрытые за металлической панелью, до которых можно добраться, отвинтив ее. Там были буквы, выглядевшие так, будто их написали наоборот, были пустые участки, словно кто-то прикрыл часть изображения чистыми листами. Единственное, что смог понять из текста Ликида, были какие-то цифры, но и в них зияли пропуски. Ничего не разобрать.

Затем он посмотрел на одну из частей головоломки. Она не относилась к фотографиям, которые он искал, и, как он понял, была дополнительным изображением, увиденным им прежде на экране. Люди там, на юге, ничего не знали об этой фотографии. Тут Ликида улыбнулся, думая, что они наверняка захотят на нее посмотреть. Он тщательно сложил большой лист бумаги и убрал в карман. Он, наверное, отправит его своим нанимателям, но не сразу.

Глава 15

Если я не ошибаюсь, этот узел затянул убийца. Я поддел его острием перочинного ножа, который взял из ящика своего письменного стола, и в течение минуты или даже дольше боролся с ним, пока мне не удалось его развязать. Разгадать тайну узла и заглянуть внутрь маленького муслинового пакетика вовсе не являлось для меня делом всей жизни, разве что найду внутри нечто важное, какую-то улику, которую не смогла обнаружить полиция. Я был почти уверен, что именно находится внутри, но хотел убедиться в этом собственными глазами.

Если бы Гарри знал об этом, он бы напомнил мне, что любопытство сгубило кошку. Но он только что вернулся с листом бумаги, где была записана часть опроса о том, не держал ли Пайк дома кошек. Как показали садовник и повариха, в доме не было никаких животных, по крайней мере, Пайк не держал таковых. Но садовник признал, что, когда он подстригал газон примерно за неделю до убийства, его газонокосилка переехала несколько небольших белых муслиновых пакетиков. Он запомнил это, потому что они громыхали, как куча камней, когда попадали туда.

Расстелив на столе чистый лист бумаги, я высыпал содержимое пакетика, который сорвал с куста около дома Пайка.

Внутри находились крохотные свернувшиеся листики, похожие на чайные, которыми они и оказались в действительности. Те сведения, которые мы не знаем, всегда можно почерпнуть из Интернета. Кошачья мята представляет собой разновидность чая. Иногда она используется и в качестве лекарства для людей (наверное, когда ее не применяют по прямому назначению – для того чтобы сводить котов с ума).

Но для меня сейчас интереснее было узнать, что же еще находилось внутри. Я поддел острием ножа мягкий комочек и обнаружил пять шестиугольных гаек, используемых при затягивании болтов. По моим прикидкам, их внутренний диаметр был три восьмых дюйма. Я понятия не имею, сколько они весили, но обязательно постараюсь узнать это прежде, чем начнется суд.

Кто бы ни был хозяином пакетика, он положил внутрь металлические гайки, чтобы сделать его тяжелее, чтобы пакетик можно было бросать на большое расстояние. Так даже датчики движения не мешали ему. Затем внутрь запускались кошки, которые помогли нейтрализовать охранную систему.

Гарри прочитал в рапорте полиции, что в руках полицейских было пять таких пакетиков. Еще один был у меня. Один Бог знает, сколько еще оказались раздавлены садовником и перемолоты газонокосилкой, прежде чем наступила ночь убийства, и сколько еще их до сих пор лежит около дома. Кто бы ни воспользовался этим средством, ему не откажешь в изобретательности и настойчивости. Он продолжал швырять внутрь крохотные пакетики до тех пор, пока не добился своего: срабатывание охранной системы стало настолько раздражать хозяина, что тот отключил ее.

Я ссыпал содержимое мешочка, в том числе металлические гайки, обратно и заново завязал его горловину тесемкой. Потом положил мешочек вместе с перочинным ножом в средний ящик стола. Еще один фрагмент головоломки. С самого начала в этом деле внутри головоломок возникали новые головоломки.

В начале недели во время нашей встречи в тюрьме Катя сказала мне нечто, продолжающее меня беспокоить, но я никак не мог вспомнить, что же именно.

Я побрел вниз в кабинет Гарри. Дверь была открыта, и, войдя, я увидел, что Гарри сидит за столом с карандашом в руке и работает. Он посмотрел на меня:

– Ты получил мою записку?

– Если ту, что по поводу Темплтона, то да. Есть еще плохие новости?

– Пока нет, но если в деле участвует этот коротышка, я бы на твоём месте держал ушки на макушке.

Ларри Темплтон, известный также как Кровавый Карлик, был назначен обвинителем на процессе над Катей. Несомненно, этот человек является самым ловким в достижении смертельных приговоров прокурором в округе, а может быть, и во всей штате. У меня не хватило бы пальцев на руках и ногах, чтобы сосчитать все известные судебные процессы, где он одержал победу. Наверное, вопиющей несправедливостью является тот факт, что блок смертников тюрьмы Сан-Квентин до сих пор не носит его имя.

– Держу пари, что он намерен поквитаться с нами за тот дуплет, – проворчал Гарри.

Мы не выступали против Темплтона со времен процесса «Народ против Руиса». Дело касалось убийства Мадлен Чепмэн, некоронованной королевы компьютерных программ. Убийство было совершено двумя выстрелами из пистолета; при этом пули легли рядом одна с другой на расстоянии не больше четвертака. В прессе то дело получило название «Процесс о дуплете».

– То, что Темплтон тогда не сумел покончить с Руисом, не значит, что он должен злиться на нас, – сказал я.

– Скажи это ему. Я думаю, что на спортивной карточке Ларри стояли бы определения «большой труженик» и «вечно второй». Подозреваю, что это связано со стремлением хоть как-то компенсировать свой физический недостаток, – заявил Гарри.

Темплтон страдал от болезни под названием гипохондроплазия, то есть малым ростом из-за недоразвитых конечностей. Его рост лишь немного превышает четыре фута, но это невозможно заметить, когда он стоит перед присяжными. Кажется, что вся мощь ума в этой лысой голове направлена на язык. Он научился извлекать преимущество из своей физической неполноценности. Он приковывает к себе внимание присяжных, и стоит расслабиться, как вы в результате этого циркового представления Ларри можете наполучать столько пинков, что вам останется единственное – отправиться попивать вино с сельтерской водой.

– Что у нас есть в деле Кати, я имею в виду, кроме полицейских рапортов?

– Не так много, только то, что мы получили от государственного защитника. Запрос на дополнительные исследования был отправлен в пятницу. Пройдет еще неделя, может, десять дней, прежде чем мы получим дополнительные данные.

– Я ищу копию Катиного коста-риканского паспорта и визы на въезд в США. По-моему, у нас были эти документы.

– Да, – сказал Гарри, – папка-скоросшиватель на полке позади тебя, третья сверху.

Я схватил папку, перевернул обложку и открыл механизм, позволяющий хранить листы бумаги или пластиковые папки, которые крепятся на два больших кольца.

– Вообще-то, – вспомнил Гарри, – у меня где-то здесь есть копии этих документов.

Когда я снова обернулся к нему, Гарри уже успел добраться до стеллажа с документами на краю стола и теперь держал в руках целую кипу бумаг толщиной примерно три дюйма. Это были документы, с которыми он работал именно в этот момент.

– Я обратился в Государственный департамент и попытался узнать, как Пайку удалось добиться получения визы. Конечно же они отправили меня в визовый отдел консульства. – Гарри облизал большой палец своей руки и стал перебирать документы сверху донизу в поисках нужных бумаг. – Я позвонил в консульство, но они не отвечают на вопросы по телефону. Нужен письменный запрос. Я уже отправил письмо. Когда речь идет о федеральном правительстве, мы должны пошевеливаться, – провозгласил Гарри. – А, вот и они. – Он достал один за другим три документа. – Копия моего письма, виза и паспорт Коста-Рики.

Все это Гарри вручил мне:

– А что ты ищешь?

– Я просто кое-что проверяю.

Сначала я изучил копию визы. Оригинал этого документа защищен от подделки голограммами. На фотокопии они видны как призрачный силуэт Линкольна на Капитолийском холме. Не было никаких сомнений, что и невидимые на копии секретные волоски здесь тоже присутствовали. Фото Кати – специальный снимок для паспорта – находилось с левой стороны. Выше стояла отметка «место выдачи», в данном случае Сан-Хосе, Кос та-Рика. Ниже стояло ее имя, фамилия и вторая фамилия еще ниже.

Потом я проверил ее паспорт. Так вот о чем Катя говорила мне тогда в тюрьме! Именно это и вертелось все время в моей голове: фамилии на документах не совпадали. В паспорте ее фамилия звучала как «Солаз-Никитин», а на визе просто «Солаз». Это имя стояло и в обвинительных документах уголовного дела. Информация о преступнике заполняется в прокуратуре. Хотя здесь была обозначена и вторая фамилия: «также известная как Катя Солаз-Никитин». Раньше я не обратил бы на это внимания.

– Что ты знаешь о паспортах и визах? – спросил я у Гарри.

– Давай-давай, спрашивай. Я становлюсь экспертом в этих вопросах, – заявил он.

– Посмотри сюда. – Я положил перед Гарри копии двух документов, одну рядом с другой. – Обрати внимание на фамилии в каждом из этих документов.

– Да, это типично для латиноамериканских стран, сложные испанские имена. Видишь? – Гарри указал на копию паспорта. – Сначала, в первой строчке, идет первая фамилия, Солаз-Никитин, а потом за ней идет ссылка на три-четыре поколения предков. Она начинается фамилией отца, затем следует девичья фамилия матери, родовое имя деда, девичья фамилия бабки и так далее. Так о чем ты хотел сказать? – спросил Гарри.

– Почему фамилия Никитин не была указана в визе?

– Ну, возможно, она пропустила ее при заполнении анкеты-заявления. Иногда они так поступают, особенно если речь идет о поездке в Штаты.

– В том-то и дело. Катя не заполняла эту форму. Это сделал Пайк. И она сказала ему об этом. Он знал, что она пользуется фамилией Солаз-Никитин, потому что сам нашел ее под этой фамилией.

– Что ты имеешь в виду? – снова спросил Гарри.

– Пайк нашел Катю на веб-сайте модельного агентства. Она проходила в списках моделей как Катя Солаз-Никитин. Это действительно так. Я нашел сайт в Интернете. Пайк заявил в агентстве, что хотел бы сделать для своей компании рекламные снимки на территории Коста-Рики, и заплатил за фотосессию с участием Кати. Но он так ни разу и не воспользовался этими снимками и не проводил никакой рекламной кампании.

– Может быть, он просто передумал? – предположил Гарри.

– Или он нашел то, что искал, а именно способ познакомиться с Катей.

– Ты думаешь, он воспользовался модельным домом как средством заполнить ее?

– Нет, я думаю, что Пайк искал что-то в Интернете, но это была вовсе не фотография Кати. Это было ее имя, и смею предположить, что именно та часть имени, которую он намеренно опустил в заявлении на получение для нее визы.

Подумай над этим. Ты пытаешься привезти с собой в свою страну женщину. Заполняешь за нее заявление, списывая данные с ее паспорта. Посмотри сюда. – Я указал на копию паспорта, лежавшую перед Гарри на столе. – Вот она. Фамилия пишется через дефис, Солаз-Никитин, но Пайк опускает часть фамилии. Мне кажется, что логичнее было бы написать фамилию полностью, как указано в паспорте, для того чтобы данные документов совпадали и не было трудностей при прохождении службы иммиграции на территории США. Если же ты так не делаешь, у тебя есть причины не указывать эту часть фамилии в документе.

– Но если ты прав и он намеренно не написал часть фамилии, а в службе иммиграции заметили бы это, то при въезде у них должны были быть проблемы, – отметил Гарри.

– Не обязательно. Наверное, Пайк рассудил, что он может ловко перехитрить чиновников на паспортном контроле. Во-первых, потому, что в паспорте полно других имен, которые не были отражены в визе. А если бы это не сработало, он воспользовался бы тем объяснением, что ему пришлось срочно оформлять визу в первом попавшемся месте.

– То есть ты думаешь, что он даже никому не заплатил за это? – спросил Гарри.

– Я не знаю. Но не думаю, что он стал бы трясти бумажником в очереди к службе иммиграции в аэропорту, когда отовсюду смотрят камеры, вокруг находится множество клерков, а сзади напирает толпа людей.

– Я понял суть. Но зачем все-таки ему понадобилось опустить в заявлении вторую часть фамилии?

– Я сам думаю над этим вот уже два дня. Это вертелось в моей голове до тех пор, пока я сам не отбросил из ее имени среднюю часть «Солаз». Если ты никогда не видел этой женщины, а я собираюсь представить тебе некую особу под именем Катя Никитин, то что бы ты подумал?

– Русская! – вскричал Гарри.

– Посмотри. – Я взял с его стола карандаш и кусочек бумаги. – Здесь несколько способов написания этого имени на испанском языке: «Кати», «Катия» или «Катья». – Я положил бумагу так, чтобы Гарри мог прочесть, что на ней написано. – Но по-русски оно пишется только одним способом, а именно «Катя».

– Ну ладно, значит, отец ее матери русский? – спросил Гарри.

– И для матери Кати этот факт очень важен, раз она назвала дочь русским именем. Что это скажет тебе о ее матери?

– То, что, возможно, она поддерживает тесные отношения со своим отцом?

– В десятку. А теперь суммируем все это. Мамаша зависла в Колумбии, чтобы погостить у родственников, которых Катя никогда не видела. Родственника или родственников, которых, если судить по словам Кати, никто из семьи, кроме самой матери, не знает.

– Старик находится в бегах, – высказал догадку Гарри.

– Угу. Пайк увидел фотографии последней поездки матери, страшно заволновался и немедленно поспешил с Катей вон из страны в Штаты, откуда каждый день названивал ей домой, пытаясь выяснить, где мама и когда она вернется.

– То есть Пайк разыскивал мистера Никитина, предполагая, что дедушка все еще жив, – промолвил Гарри. – И ты полагаешь, Пайка из-за этого убили?

– Два убийства совершены так, будто это была плохо организованная кража. При Кате нашли золотые монеты и квитанции ломбарда, но никто не знает, где остальные монеты. А еще компьютер, тот нетбук, что не смогли найти полицейские в доме Пайка. Катя видела его. Он брал его с собой в Коста-Рику. Он пользовался им, чтобы скачать фотографии из Колумбии с фотоаппарата втайне от Кати. Вечером перед побегом из дома Катя видела компьютер на столе. И если это не Катя убила Пайка, она была на сто процентов права, поскольку убежала из того дома, буквально на один шаг опередив того, кто на самом деле совершил убийство.

– Дай мне папку, – попросил Гарри.

Он потянулся к папке с документами на полке, той самой, которую я минуту назад открывал. Я отдал папку ему, и Гарри быстро пробежался по документам. Наконец он нашел то, что искал.

– «Шесть фото размером восемь на десять», – прочитал мне Гарри. – Это опись изъятого у нее во время ареста в Аризоне. Эти снимки в ту ночь она отобрала у Пайка. При аресте они находились в ее сумке.

– Нам следовало сделать копии этих снимков вчера, – сказал я.

Глава 16

В шесть десять утра Зеб Торп был уже мокрым от пота. «Поторопись. Впереди целый день. Через двадцать минут встреча с директором. Это значит, что у тебя в запасе только десять».

Отставному полковнику морской пехоты Торпу, мужчине с грубыми чертами лица, было за шестьдесят. В то утро он уже успел получить столько адреналина, как будто только что пообщался тет-а-тет с Джорджем Паттоном и сжевал звезды с его шлема.

Являясь заместителем директора ФБР по вопросам национальной безопасности, он возглавлял сразу четыре службы: антитеррор, контрразведка, управление по делам разведки и управление по ОМП. Все они были либо только что созданы, либо реорганизованы в результате мер, принимаемых с целью укрепить безопасность в стране.

Сегодня впервые ему предстояло сыграть сольную партию, официально встретиться со своим боссом, последним руководителем ФБР, также недавно назначенным на эту должность. Затем, во второй половине дня, оба они должны были отправиться в Судебный комитет сената и попытаться уклониться от пуль и кирпичей, которые будут метать в них политики. Большинство из членов этого комитета лелеяли одну-единственную мысль – смешать бюро, и в особенности его нового директора, с дерьмом. Это был уже второй день, когда в сенатском комитете шли слушания по утверждению кандидатуры его босса, и Торп уже знал, что этот человек не выживет после таких попыток.

Вчера, еще до полуденного перерыва, члены комитета выбили из него фактически всю кровь, мозги и даже сопли. И эти люди принадлежали к президентской партии. Еще раньше они поставили его на колени мордой в пол, задав вопрос, почему после возвращения к себе в офис он не позвонил в Комитет по правам человека и не попросил совета, как бороться с преступлениями и терроризмом. Сегодня они вновь будут пытаться опрокинуть его, когда он предстанет перед крытым зеленым сукном столом свидетеля. Там они постараются как следует выпотрошить его перед тем, как позвонить в Белый дом и попросить прислать им следующую жертву.

Почему бы и нет! За последние полгода они уже дважды проделали это с другими кандидатами, и никто даже пальцем не пошевелил. Политика – это кровавый спорт. Работа директора стала похожа на вращающуюся дверь или на барабан внутри стиральной машины.

Что касается Торпа, то политические партии, оккупировавшие палату представителей и сенат, напоминали ему двух горилл – сиамских близнецов, у которых на двоих был всего один мозг. Вместе со своими спонсорами и партнерами с Уолл-стрит они целое десятилетие игрались с национальной экономикой, пытаясь загнать каждого из граждан страны в дом, который так и не смогли достроить. Когда же экономика была объята огнем, обрушив рынки и уничтожая целые отрасли промышленности, что в конечном счете должно было погубить в пламени пожара весь этот цирк, они втрое взвинтили государственный долг, надеясь сбить пламя с помощью денег.

Решив, как им казалось, эту проблему, неутомимые животные последние семь месяцев проводили в изысканиях способа упростить систему национальной безопасности с тем, чтобы посмотреть, что же будет дальше.

Подчиненные самого Торпа проводили внутриофисные опросы и заключали пари о том, сколько времени пройдет, пока некая группа не заставит пассажиров метро подышать газом зарин или не зажжет над каким-нибудь американским городом ядовитое облако гамма-излучения. В приступах сангвинического темперамента Торп даже стал позволять себе иногда размышлять над тем, почему до сих пор не ввели охотничий сезон на членов конгресса.

В это утро он пребывал в особенно омерзительном настроении, уткнувшись челюстью в выдвижные ящики своего стола. Отчасти это объяснялось тем, что в последнюю минуту в четко спланированный распорядок дня вмешался его помощник Раймонд Зинк. В это время в небольшой переговорной комнате в офисе Торпа находились он сам, руководители двух подведомственных управлений из четырех и Зинк.

– Мы полагаем, что у нас могут возникнуть проблемы, – заявил Зинк. – Эта информация получена от одного из наших аналитиков в фотолаборатории.

– Что вы имеете в виду, данные наблюдения со спутников?

– Нет, сэр. Некое частное лицо направило нашему аналитику какие-то фотографии, точнее, цифровые изображения.

Торп раскрыл папку, которая лежала перед ним на столе.

– Наш человек получил два увеличенных изображения. Все имеющиеся отношения к этому делу имена приведены в отдельном файле. Он заявил, что, по его данным, речь идет всего о шести фотографиях. Сначала эти снимки были отправлены на обработку в частную лабораторию неким джентльменом из Калифорнии. Ее служащий отправил два увеличенных изображения нашему сотруднику. И запросил у него секретные сведения из базы данных бюро, всю личную информацию о клиенте, все подробности, которые только сможет найти.

– Стоп! И вы хотите сказать мне, что наш сотрудник в лаборатории сделал это? – Торп не мог даже представить то море крови, которое останется на полу сенатского комитета, если там узнают об этом.

– Нет, – ответил Зинк.

Торп испустил глубокий вздох:

– Благодарю тебя, Господи, за те небольшие подарки, что ты иногда посылаешь нам.

– Тот наш сотрудник всегда отличался благоразумием. Но он был заинтригован, – продолжал Зинк, – взял снимок и попробовал поискать что-нибудь, связанное с ним, через Интернет. Он не надеялся на удачу, так как считал, что приятель, который отправил ему то изображение, тот техник из лаборатории, уже, наверное, его проверил. Но когда он набрал имя того джентльмена из Калифорнии, ну, парня, что прислал снимки в частную лабораторию, экран компьютера стал похож на машину для пинбола. Того человека звали Эмерсон Пайк.

– Что значит «звали»? – спросил Торп.

Зинк покачал головой:

– Распечатки из Интернета находятся в этой папке. Мы не знаем, почему техник из лаборатории не проверил в Интернете это имя, но тем не менее это факт. Либо если он провел проверку, то забыл упомянуть, что Эмерсон Пайк был убит в своем доме в Калифорнии, по всей вероятности, через несколько дней после того, как отправил фотоснимки в лабораторию для обработки и анализа.

Глава управления бюро по делам разведки Билл Бритен протянул Торпу небольшой, всего на полстраницы, отпечатанный текст:

– Посмотрите сюда. Здесь краткие данные об Эмерсоне Пайке. Мы распечатали только основные моменты его биографии, без подробностей, но и этого достаточно, чтобы получить полную картину.

Торп пробежал по тексту, потом поднял взгляд:

– Ну, хорошо.

– И еще один вызывающий любопытство факт, – продолжал Зинк. – Наш человек в лаборатории попытался найти своего друга из частной лаборатории, чтобы сообщить ему новости о том, что Пайк мертв. Когда он стал его искать, в лаборатории ему сказали, что тот не появляется на работе вот уже два дня после того звонка. И еще более тревожным является то, что его машина осталась припаркованной на стоянке, но никто не может объяснить, куда девался ее хозяин. Нашему парню сказали, что, если их сотрудник не появится до конца дня или не

позвонит, они собираются позвонить в полицию, чтобы там проверили, не случилось ли чего. Но наш человек не стал дожидаться. Он рассказал обо всем одному из агентов. Итак, вчера, – рассказывал Зинк, – наш агент отправился в ту частную лабораторию «Харрингтон».

– Мне знакомо это место, – заявил Торп. – Оно расположено через реку, в штате Виргиния. Мы работали с ними по контракту много лет назад.

– Точно, – подтвердил Зинк. – Пропавший аналитик той лаборатории все еще не показался на работе. Полиция уже была там и собрала информацию о его контактах, в том числе о ближайших родственниках, то есть провела все принятые в отношении пропавших лиц процедуры. Наш агент попросил разрешения взглянуть на фотографии, присланные Эмерсоном Пайком. Какое-то время там пытались обойти эту просьбу, пока, наконец, кто-то из руководства лаборатории не дал на это согласие. Но проблема в том, что фото исчезли.

– Что?

– Тот начальник дважды просмотрел всю информацию в системе от и до, но так и не смог найти те снимки. После более чем часового погружения в систему их специалистов они пришли к выводу, что кто-то просто убрал снимки из памяти. Они нашли ссылки на Пайка и на фотографии на своем сервере, но система, вероятно, была настроена так, чтобы удалять приложения к входящему сообщению от клиента с целью сэкономить место. В результате там не осталось цифровых копий информации Пайка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.